Птицы дождя

Автор:
Кларисса Гоэнаван

Птицы дождя

Кларисса Гоэнаван

Роман «Птицы дождя» начинается с поставившего в тупик общественность загадочного убийства молодой учительницы, которое произошло в небольшом японском городе в дождливую ночь.

Житель Токио Рен Ишида получает известие о смерти старшей сестры, с которой не виделся годы. Однажды Кеико просто исчезла из Токио, а в семье перестали упоминать ее имя.

Рен отправляется в городок Акакава, чтобы уладить дела сестры и понять наконец, почему она их покинула. В Акакаве он занимает квартиру Кеико и устраивается учителем на место ее работы. Вскоре Рен начинает видеть странные повторяющиеся сны – незнакомую девочку, которая рассказывает ему о разделенной на два полумесяца луне и обещает, что скоро он обязательно поймет, что все происходящее вокруг него – звенья одной цепи.

Кларисса Гоэнаван

Птицы дождя

Clarissa Goenawan

RAINBIRDS

Copyright © by Clarissa Goenawan, 2018

By agreement with Pontas Literary & Film Agency.

Jacket design by Janine Agro Author image: © Choo Jacket image: © Don Farrall/Getty

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава 1

Она рассыпалась и превратилась в прах

Поначалу все было как обычно, ничего неожиданного.

Я говорил с сестрой по телефону и представлял, как она сидит за письменным столом у окна своей комнаты в Акакаве, как лучи солнца проникают сквозь занавеску и бросают каштановые блики на ее длинные темные волосы. Она задавала мне вопрос за вопросом, а я просто бубнил односложные ответы, мечтая поскорее закончить наш разговор. Но потом, прямо на моих глазах, она рассыпалась и превратилась в прах.

Я проснулся в черном седане; этот сон мог легко выскользнуть из моей памяти, если бы у меня на коленях не стояла белая фарфоровая урна с изображенными на ней хризантемами и летящей кукушкой. В урне был прах моей сестры, Кеико Ишиды, которой на момент смерти было всего тридцать три года.

– Еще долго ехать? – спросил я, ослабив галстук.

– Мы почти на месте, – ответил Хонда.

– Может, включишь музыку?

– Конечно, – ответил он и щелкнул клавишей.

По радио зазвучала «Summertime» Билли Холидей.

Для раннего пятничного вечера поездка шла гладко. Солнце висело еще высоко, впереди не было видно пробок. Даже музыка располагала к релаксу, под такую хочется барабанить пальцами, отбивая ритм.

Мои пальцы невольно стиснули гладкие стенки урны, похожей на невысокую цилиндрическую вазу. Хонда бросил на меня быстрый взгляд и снова направил свое внимание на дорогу.

– Кеико любила джаз, – сказал он.

Я кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Ее коллекция, маленькая стопка кассет – что теперь будет с ними?

– Забавно, но она не могла назвать практически ни одного джазового музыканта, – продолжал Хонда.

Я кашлянул.

– Не обязательно быть эрудитом, чтобы ценить джаз.

– Верно сказано, Ишида.

Вообще-то эти слова когда-то сказала мне по телефону сестра.

Я живо представил, как она сидела за письменным столом, как ее рука теребила телефонный шнур. С самоуверенной улыбкой она пробормотала:

– Не обязательно быть эрудитом, чтобы ценить джаз.

Странно, что эта картинка врезалась в мой мозг, хотя я никогда не видел комнату сестры – даже не представлял себе, как она выглядела.

– Все, приехали, – сообщил Хонда, когда автомобиль остановился возле отеля «Кацураги».

– Спасибо, что помог устроить поминки, – поблагодарил я.

– Не стоит благодарности. Когда-то Кеико много сделала для меня.

Я кивнул и вылез из машины, сжимая урну. Я уже входил в отель, когда услышал за спиной голос Хонды:

– Ишида!

Я обернулся. Хонда опустил стекло.

– Что ты собираешься делать с… – Он почесал в затылке и взглянул на урну.

– Еще не решил.

– Если хочешь рассеять пепел над морем, мы можем обратиться к работникам крематория. Они возьмут недорого.

– Нет, не годится, – возразил я. – Сестра боялась воды. Она не умела плавать.

Хонда и моя сестра вместе преподавали в школе экстерна[1 - Школа экстерна – это специализированные учебные заведения для углубленной подготовки учеников, абитуриентов и студентов к сдаче экзаменов.]. Это он заказал для меня номер в отеле.

– С мебелью там очень скромно, но зато отель дешевый и вполне приличный, – сообщил Хонда, и это описание было абсолютно точным. Широкая кровать, маленький телевизор, гардероб, туалетный столик со стулом – вот и все. Мебель старая, но сносная. Сравнительно чисто, хотя присутствовал затхлый запашок. При номере – ванная комната.

Я поставил урну на туалетный столик и взглянул на часы. Половина третьего. Через час мне предстояло явиться в полицию. Я снял костюм и повесил его на спинку стула. Мне необходимо было принять душ, чтобы смыть запах погребальных благовоний.

Раздвигая дверь ванной, я бросил взгляд на туалетный столик. Там безмолвно стояла фарфоровая урна.

Я зашел в полицейский участок и увидел за окошком одинокого молодого сотрудника. Я был единственным посетителем. Когда я назвал свою фамилию, он встал и открыл дверь офиса.

– Следуйте за мной, – велел дежурный, что я и сделал, удивляясь про себя, что он покинул свой пост.

Полицейский провел меня по узкому коридору и жестом показал на дверь с правой стороны. Я постучал два раза, набрал в грудь воздуха и повернул дверную ручку.

– Извиняюсь, – пробормотал я.

За столом сидел мужчина средних лет, с волосами, начинающими редеть. На нем были выцветший черный костюм и мятая белая рубашка. Для офицера полиции одет он был неряшливо.

Кабинет оказался меньше, чем я ожидал, и без окон. Возможно, так и было задумано, чтобы заставить посетителей испытывать клаустрофобию. Крышка стола, заваленного высокими грудами папок, протянулась от стены до стены, разделив кабинет пополам. Я даже удивился, как этому человеку удавалось добираться каждое утро до своего стула. Он перелезал через стол или

проползал под ним?

– Господин Рен Ишида? – спросил мужчина, взглянув на меня.

– Да.

– Пожалуйста, садитесь. – Он показал на два стула перед столом. – Я выражаю вам соболезнование по поводу случившегося с госпожой Кеико Ишидой. Конечно, для вас и ваших близких сейчас нелегкие дни. – Он отодвинул папки в сторону и протянул мне свою визитку. – Я веду дело госпожи Ишиды. Вы можете называть меня Ода.

Я кивнул и прочел на визитке: ХИДЕТОШИ ОДА, СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР.

– Господин Ишида, мне нужно услышать от вас как можно больше информации. – Он достал магнитофон. – Давайте начнем?

– Да.

Инспектор нажал на клавишу записи, посмотрел на часы и совершил привычный ритуал – назвал время, дату и место опроса, после чего представился сам и представил меня. Я подтвердил свою личность, и мы начали официальную беседу.

– Расскажите мне о вашей сестре, – сказал он. – Вы были с ней близки?

– Пожалуй, да. Во всяком случае, она звонила мне раз в неделю, – ответил я.

– Когда вы разговаривали с ней в последний раз?

– В прошлый понедельник.

Он повернул ко мне настольный календарь.

– Значит, это было шестого июня?

– Да.

– Шестого июня тысяча девятьсот девяносто четвертого года, – пробормотал он на магнитофон. – И о чем вы говорили?

Я уставился на голую стену за его спиной.

– Так, ни о чем, просто об обычных мелочах.

– Можете сказать более конкретно?

Я не сразу припомнил наш последний разговор. О чем же мы тогда говорили? Да, конечно. Мы говорили о моем свидании.

– Вы с Наэ ходили куда-нибудь в эти выходные? – спросила сестра.

– У-гу, – ответил я. – Мы обязательно встречаемся в субботу вечером.

– Где вы были?

– В итальянском ресторане.

– В каком-то престижном?

– Вроде он считается престижным.

– Правда? – воскликнула она. – Я и не знала, что у тебя такой утонченный вкус.

– Это была идея Наэ, не моя. Она узнала о нем из журнала мод.

– Ну, и хороший ресторан?

Я хмыкнул.

– Ничего хорошего и близко нет.

– Почему?

С чего я начал?

– Медленно обслуживают, паста безвкусная, и все дорого. Что и следовало ожидать, беря на веру рекомендации модного журнала.

– Может, у тебя просто были завышенные ожидания? – засмеялась она.

– Поверь мне, – возразил я, – ресторан просто плохой.

– И куда вы пошли после этого?

– Никуда, – ответил я, немного помолчав.

– Что? – воскликнула она. – И все?

– Да, – эхом отозвался я. – И все.

– Неужели правда?

– Кто больше разочарован, я или ты?

– Я в самом деле разочарована, – ответила она. – Ты такой скучный для своего возраста.

– Не говори со мной так, словно ты старуха. У нас разница только в девять лет. И вообще, чего ты ожидала от меня?

– В твоем возрасте после ресторана обычно совершают романтическую прогулку. Или ты утаиваешь от меня самое интересное?

– Мне жаль, что я снова тебя разочарую, но она сразу отправилась домой.

Я не лгал, но это была лишь часть истории. Мы с Наэ поругались за ужином. Честно признаться, у меня уже до ресторана было плохое настроение.

Безвкусная ресторанная еда и плохое обслуживание его не улучшили. И когда Наэ стала доставать меня вопросами насчет моих планов на будущее – наших планов на будущее, в ее понимании, – я разозлился.

– Ты так отчаянно стремишься замуж, – сказал я. – Боишься, что останешься одна?

Я сообразил, что хватил лишнего, когда она встала и схватила сумочку. И даже не прикоснулась к главному блюду.

– Не жди, что я буду разговаривать с тобой, если ты не извинишься, – заявила она и выскочила из ресторана.

Я вздохнул. Наэ упрямая. Она выполнит свою угрозу. Впрочем, меня это устраивало. Мне требовался перерыв. В последнее время все наши разговоры сводились к свадьбе, хоть я и говорил Наэ, что пока не готов. Небольшая разлука пойдет нам на пользу.

Из ресторана я ушел вскоре после Наэ. По дороге на станцию я увидел бар на другой стороне улицы. Я зашел туда и заказал пиво. Рядом со мной села женщина. Мы разговорились, и в результате я выпил больше, чем намеревался. Она показалась мне довольно привлекательной, хотя, по-моему, этому помогли алкоголь и неяркое освещение. Слово за слово, и я очутился в ее постели в элитной квартире-студии.

Когда мы сделали дело, она уплыла в сон, а я пошел под душ. Последний поезд уже ушел, и я остался на ночь. Она все еще спала крепким сном, когда часа в четыре утра я проснулся и тихонько ушел, не желая больше никакого общения.

Разумеется, я не стал рассказывать об этом сестре. Она засыпала бы меня вопросами про ту женщину, а я едва помнил ее лицо, не говоря уж об имени. Мы говорили несколько часов, но все воспоминания улетучились. Единственное, что осталось у меня в памяти, – крошечная родинка на ее шее.

– Рен, ты почему так притих? – спросила сестра.

– Я устал, – солгал я.

Она продолжала разговор как ни в чем не бывало, словно не слышала моих слов.

– Но тебе ведь нравится итальянская кухня, верно? Я помню, как ты уплетал спагетти болоньезе, которые я готовила.

– Мне она нравится только тогда, когда хорошо приготовлена.

– Я знаю хороший итальянский ресторанчик. Не такой помпезный, как этот ваш ресторан, – просто маленький и уютный. Им заправляет пожилая пара. Мы с тобой съездим туда, когда ты приедешь в Акакаву. Это за городом, но поехать туда стоит.

Я улыбнулся, чувствуя ее восторг.

– Ладно, – согласился я, и это был наш последний разговор.

– Вы что-нибудь припомнили? – спросил инспектор.

Я сомневался, что моя личная жизнь имела какое-то отношение к смерти сестры.

– Мы говорили о моей учебе. Ничего важного.

– Она не говорила о том, что ее беспокоило? Ну, допустим, работа или личная жизнь?

– Ничего такого, что запомнилось бы. – Я покачал головой.

– Вы знаете, почему она приехала в Акакаву? Провинциальный город, не то что Токио, да и жила она тут одна.

Я ответил не сразу.

– Наши родители не ладили между собой. Сестра не выдержала этого.

Он заглянул в свою папку.

– Она уехала из Токио сразу после окончания учебы, когда ей было двадцать два года. Правильно?

– Да.

– Значит, она жила здесь одиннадцать лет. – Он посмотрел на меня. – Почему вы были единственным родственником, который присутствовал на ее похоронах?

Я не мог заставить себя ответить. Он выжидающе уставился на меня, но я не открывал рта. Мне не хотелось распространяться о наших семейных проблемах. Это вещь приватная и не имела отношения к смерти сестры. Инспектор вздохнул и что-то нацарапал в своем блокноте. Листок был полон заметок, сделанных его неразборчивым почерком.

– У вашей сестры были какие-то романтические отношения?

– Нет.

Я был уверен, что в последнее время у сестры никого не было. Не потому, что с ней было что-то не так – она была симпатичной, стройной, и вообще у нее был вид девушки из хорошей семьи. Короче, Кеико Ишида была из тех женщин, на каких хотел бы жениться средний служащий. В годы учебы в колледже и Токийском университете несколько приличных парней предлагали ей руку и сердце, но она всем вежливо отказала.

– Нет смысла, раз я не влюблена, – пояснила она мне.

– Не будь таким безнадежным романтиком, – сказал я. – Так ты никогда не выйдешь замуж.

Она только засмеялась, но наверняка она понимала, что в моих словах было зерно правды, хотя никогда не призналась бы.

– Вы уверены? – спросил инспектор, прервав мои раздумья.

Он достал из ящика стола несколько фотографий и разложил их на столе. На одной была бежевая сумочка сестры, я узнал ее. Сумочка была мокрая и в пятнах крови. Ткань порвана, всюду глубокие царапины. При виде нее я должен был ощутить грусть, но этого не случилось. Я не ощущал ничего.

Я посмотрел на остальные фотографии. Ничего необычного. Ее кошелек, красный шарф, ключи с болтающимся на них брелоком-кроликом, какое-то лекарство, ежедневник небольшого формата и ручки.

– Взгляните на это. – Инспектор показал на лекарство.

Я присмотрелся – это были противозачаточные пилюли.

– А это… – Он показал пальцем на фотографию шарфа. – Что вам это напоминает?

– Шарф, – ответил я не задумываясь.

– Судебные эксперты обнаружили на нем ее ресницу. Еще мы увидели глубокие вмятины на ее запястьях, словно они были связаны веревкой.

У меня в горле образовался комок.

– Что, у нее были завязаны глаза и связаны руки, когда ее убили?

– Наши криминалисты предполагают, что связывали ее раньше. Судя по травмам, создается впечатление, что она пыталась отбиться сумочкой от напавшего на нее. – Он задумчиво выпятил губы. – Простите мою черствость, но у меня такая работа – глядеть на это с разных углов.

Я молчал, ожидая его следующего вопроса.

– Возможно ли, что госпожа Ишида состояла в каком-нибудь обществе? Или в группе, занимающейся… определенными сексуальными практиками? – Он смущенно опустил глаза. – Я лишь имел в виду, что она была привлекательной и, как вы сказали, без романтических отношений.

Мысль показалась мне такой абсурдной, что я с трудом удержался от смеха.

– Я хорошо ее знал. Она не спала с кем попало.

Он вздохнул, но больше не стал задерживаться на этой теме.

– Она никогда не упоминала о ком-нибудь, кто ей нравился?

Я попытался вспомнить что-то подобное за годы наших еженедельных бесед по телефону.

– Может, о каком-нибудь бывшем бойфренде? – продолжал инспектор.

– Был один мужчина, – ответил я. – Примерно четыре года назад. Я не уверен, что он был ее бойфрендом, но она говорила мне, что проводит с кем-то много времени.

Инспектор наклонился вперед и схватил ручку.

– Скажите мне его имя.

– Она не назвала его, но это был вообще единственный раз, когда она упомянула, что встречается с мужчиной. Через несколько месяцев они поссорились.

– Из-за чего?

– Понятия не имею.

Он швырнул ручку на стол.

– Что еще вы знаете о том человеке?

– Он водит машину, – сообщил я. – Они несколько раз совершали поездки за город.

Инспектор почесал подбородок.

– Вы знаете, куда они ездили?

– Она никогда мне не говорила.

– Что-нибудь еще можете добавить?

Я неловко поерзал на стуле. Я так мало знал о сестре и мужчинах, с которыми она встречалась. Она никогда не делилась со мной, но и я никогда не спрашивал ее об этом. Неужели я всегда был таким безразличным?

– Простите, – сказал я. – Мне жаль, но я больше ничем не могу помочь.

Инспектор выключил магнитофон.

– Честно говоря, так говорят все, с кем я беседовал. Ее начальник, коллеги, хозяин дома, где она жила. Никто ничего не знает о ее личной жизни. Вероятно, она была очень скрытной.

Нет, неправда. Моя сестра прекрасно общалась с окружающими; она всегда интересовалась их делами и никогда не выпячивала свою персону.

Или, может, он прав. Может, она действительно была скрытной особой и это я все время ошибался. Ведь я даже не понимал, зачем она носила в сумочке противозачаточные пилюли и повязку на глаза.

– Мы сделаем все, что сумеем, – сказал инспектор. – Позвоните мне, если вспомните что-то, что поможет нашему расследованию. Вообще хоть что-нибудь. Просто позвоните мне. Понятно?

Я неопределенно кивнул. Если они проводят расследование такими методами, то никогда не добьются результата.

– У вас есть к нам вопросы? – спросил он.

У меня было много вопросов, и я не знал, с чего начать. Мне все еще не верилось, что моя сестра умерла.

Три дня назад мне позвонили из полиции. Не успел я опомниться, как уже стоял у гроба. Похоронная контора знала свое дело. Моя сестра выглядела так, словно лишь ненадолго уснула.

– Я хочу знать, что произошло, – сказал я инспектору.

Он наклонил голову.

– Вы имеете в виду подробности ее смерти?

– Да.

– Об этом более-менее подробно писали газеты, – ответил он. – Госпожа Ишида шла одна ночью, когда ее ударили острым предметом. На месте преступления мы нашли окровавленный нож, а ее раны получены от колющих ударов. ДНК с ножа совпадает с ее ДНК.

Неужели? Я кашлянул.

– Могу я взглянуть на нож?

– Это обычный кухонный нож.

Он вынул из ящика еще одну фотографию. Нож, как он и сказал, был обычным. Не тот, про который я думал.

– Вы нашли отпечатки пальцев?

– Только вашей сестры.

– Возможно ли, что нож был ее? Может, она взяла его для самозащиты, а напавший вырвал его из ее рук?

Инспектор выпятил губы.

– Мы не исключаем такую возможность, но Акакава безопасный город. У нас случаются незначительные преступления, но ничего такого, что заставило бы молодую женщину носить с собой нож для самозащиты.

Я молчал. Если бы город был безопасным, моя сестра была бы жива.

– Из сумочки ничего не пропало, – сообщил инспектор. – Ее кошелек и украшения нетронуты. Это не выглядит как грабеж. Но нападение было жестоким.

Мне припомнилась фраза из газетной статьи, которую я читал: «Тело жертвы было покрыто страшными колющими ранами. Целым осталось только лицо». Но я не видел ее ран. Когда я стоял у гроба, она лежала бледная и тихая. Мне хотелось встряхнуть ее и крикнуть: «Проснись, ладно? Что ты тут делаешь?»

Кеико Ишида всегда была такой внимательной. Ее все любили. Я не думаю, что кто-то мог ненавидеть ее с такой силой, чтобы так жестоко убить. Или я ошибался насчет нее? Если бы я приложил усилия и постарался понять сестру, могло бы это изменить ее участь?

Но было уже слишком поздно задавать такие вопросы. Кеико Ишида спит теперь вечным сном. Из этого сна ее не может вырвать даже цунами…

Глава 2

Как приготовить рис карри

Я проснулся в половине девятого. Взлохмаченный и в том же костюме, в котором ходил в полицию. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, что я не в Токио. Потом мне захотелось есть. Я предпочел бы спать дальше и плюнуть на завтрак, но мой желудок отказался пойти на компромисс.

В отеле «Кацураги» завтрак не входил в предоставляемые услуги, хотя можно было налить себе в холле чай, кофе или апельсиновый сок. Внизу я увидел

только одного постояльца, лысеющего мужчину средних лет. Судя по его строгому костюму и потертому кожаному портфелю, он прибыл в город по делам.

По словам Хонды, в отеле использовались только первый и второй этажи. Остальные три этажа пустовали.

– Не беспокойся, там все нормально, без привидений, – сказал Хонда. – Просто для хозяев пока что нет смысла тратиться на поддержание тех номеров. Акакава не туристический и не деловой центр. Тут нет термальных источников, живописных парков и зеленых гор. Честно говоря, я вообще удивляюсь, как этот отель сводит концы с концами.

Я предположил, что он выживает благодаря экономии на персонале. За все время я видел лишь двух человек. За стойкой администратора работала стройная женщина средних лет. Каждый день она была в другом кимоно. Узоры на них всегда были простыми, и от этого она выглядела элегантно и изысканно. Еще по коридору ходила уборщица. Ее постоянным компаньоном была тележка с моющими средствами и рулонами туалетной бумаги, следовавшая за ней, словно верный пес Хатико.

Мой желудок снова заурчал. Деваться некуда, я покорно встал, переоделся и вышел на улицу.

Несмотря на начало рабочего дня, машин на дороге было немного. Большинство горожан ездили на велосипедах. Зато и воздух был чище, чем в Токио.

Я зашел в магазин самообслуживания, находившийся в том же квартале. Когда я открыл стеклянную дверь, звякнул колокольчик. Торговый зал был крошечный, товар тесно сгрудился на полках. Я взял в холодильнике сэндвич с тунцом и пошел к кассе, захватив по дороге утреннюю газету и, полушутя, буклет «Путеводитель по Акакаве».

Когда я был в дверях, в магазин вошла компания старшеклассниц. Одна из девчонок налетела на меня и с зардевшимся лицом извинилась под хихиканье подружек. Глядя на них, я вспомнил сестру, какой она была в их возрасте. В те дни мы с ней все время пробавлялись едой из таких вот магазинчиков. Наши

родители почти не бывали дома; они не хотели видеть друг друга и не собирались спасать их распадавшийся брак.

– Раз они терпеть не могут друг друга, зачем они вообще поженились? – сказал я сестре, помогая ей разбирать белье.

– Раньше они нормально ладили, – ответила она.

Вероятно, это было давным-давно, потому что я вообще не помнил такого.

– Как же они поссорились?

Сестра тяжело вздохнула.

– Первая ссора случилась из-за волос. Когда мама родила тебя, у нее начали выпадать волосы. Как-то утром папа сказал, что в ванне забился слив из-за волос. И тогда мама рассердилась и стала орать на него. Так они и орали, а потом папа ушел.

– Я не помню этого.

Она загрузила светлое белье в стиральную машину.

– Ты и не можешь помнить, потому что тебе и года не было. Ты тогда испугался их крика и заплакал, а мама не захотела взять тебя на руки и успокоить. А я боялась даже подойти к ней.

– И что, мама стала лысой?

Сестра засмеялась и включила машину.

– Все было не так страшно.

– А что было дальше?

– Когда папа вернулся на следующее утро, я думала, что все будет нормально, но я ошиблась, – сказала сестра. – У его компании были трудные времена, и он боялся потерять работу. После той ссоры все покатилось под гору. Он стал злиться из-за разных пустяков, скажем, если мясо немного пережарено или если плохо выглажена рубашка.

– Значит, во всем виноват папа?

– Не совсем, мама тоже хороша. Она не умела сдерживаться, – ответила сестра. – Хотя, честно говоря, я немного пристрастна. Мне папа всегда был ближе. Он всегда относился ко мне лучше, чем мама. Иногда мне казалось, что мама несправедливо ругалась на меня. Или я слишком обидчивая?

– Возможно. – Я опустил глаза. – Значит, я причина их ссоры?

– Почему ты так считаешь? – Она покачала головой.

– Ты сама сказала, что они впервые поссорились после моего рождения.

– Не говори глупости, Рен. Ты ни в чем не виноват. – Сестра погладила меня по голове. – Даже не думай. Просто ты родился в тяжелое время.

– Но теперь у папы хорошая работа. Почему они до сих пор ссорятся?

– Может, они просто привыкли к этому? Они оба такие упрямые. Вот бы им научиться жить в мире. Ведь иногда лучше согласиться, а не спорить.

– Вот ты и сказала бы им это.

– Да, надо бы.

Впрочем, говоря по правде, хоть мне тогда было лишь восемь лет, я понимал, что сестра никогда не осмелится поучать родителей. Мы держали наши мысли при себе. Мы надеялись, что эти проблемы исчезнут сами собой, если мы не будем обращать на них внимания, но этого не случилось.

Все становилось только хуже. Оба избегали находиться дома. Отец часто возвращался за полночь, шатаясь, и от него пахло алкоголем и потом. Мама проводила время за игрой в маджонг или пела караоке у подружек. В редкие моменты, когда родители оказывались дома вместе, они швырялись друг в друга чем попало и орали.

Тогда я потихоньку пробирался в комнату сестры, и мы с ней играли в настольные игры и делали вид, будто ничего не происходит. Она молчала, и я тоже.

Постепенно мама вообще перестала готовить, и мы питались тем, что покупали в магазине самообслуживания. Мама оставляла нам деньги возле телевизора, и сестра отвечала за покупку еды. Ей было и без того нелегко, но однажды я решил, что с меня хватит.

– Я не буду это есть, – заявил я, когда сестра положила на стол две коробки с ланчем.

– Не голодный? – спросила она.

– Нет, дело не в этом. Серьезно, кто может есть каждый день такую дрянь?

Она натянуто улыбнулась.

– Но ведь сегодня я купила тебе рис с угрем. Или, если хочешь, поменяемся, и я дам тебе цыпленка.

– Я ничего не хочу!

Ее улыбка исчезла.

– Рен, не…

– Я сказал, что не буду ничего есть! – закричал я.

– Ладно, как хочешь. – Она открыла мою коробку и схватила палочки для еды. – Ты точно не будешь?

Я сидел молча, сжав кулаки. Все равно ей не удастся меня уговорить. Сестра съела кусочек угря и положила палочки. Ее лицо стало суровым. Я решил, что она сейчас заорет на меня.

– Знаешь что? Пожалуй, ты прав. Меня тоже уже тошнит от этой еды. – Она улыбнулась. – Давай купим продукты. Я что-нибудь приготовлю.

Мне показалось, что я ослышался.

– Что ты сказала?

– Я сказала, что приготовлю что-нибудь, – повторила она. – Обувайся. Мы пойдем в супермаркет.

Когда мы вышли из дома, уже стемнело. Мы зашли в соседний супермаркет. Несколько полок там уже опустело, но это не повлияло на нашу решимость. В тот вечер был мой самый восхитительный поход в магазин. Помню, как я радостно улыбался, когда мы ходили по овощному отделу.

– Что ты хочешь съесть на ужин? – спросила сестра.

– Рис карри, – ответил я. Это было мое любимое блюдо.

– Ладно. Я приготовлю самый вкусный рис карри, какой ты пробовал в своей жизни.

Тут мне стукнуло в голову, что я никогда не видел, как она готовит.

– А ты знаешь, как это делать?

– Конечно, – не колеблясь, ответила сестра, наполняя корзинку разными продуктами.

Проблемы начались, когда сестра попыталась сварить рис. Первая порция получилась недоваренная, вторая водянистая. Я смотрел, как сестра больше часа возилась с рисоваркой. Было уже так поздно, что я забыл про голод.

– Ты знаешь, как пользоваться рисоваркой? – спросил я.

– Дай мне чуточку времени, чтобы разобраться. Эта устроена не так, как наша школьная, на которой мы готовили на уроках домоводства, – сказала сестра. – Интересно, где инструкция от нее.

Она обшарила все шкафы, но так ничего и не нашла. Мне стало стыдно за свой каприз. Я хотел извиниться, но она заговорила первой:

– Извини, Рен. Ты совсем изголодался.

Я опустил голову. От ее слов мне стало еще хуже. Я не собирался плакать, но не смог сдержаться. Я вытирал слезы, а они все лились и лились из моих глаз.

– Не плачь, – сказала сестра. – Я приготовлю тебе что-нибудь.

Ее голос дрожал. Подняв глаза, я увидел, что ее веки покраснели и опухли.

– Ты тоже плачешь, глупая, – сказал я.

Она вытерла слезы.

– Заткнись.

Мне стало больно за сестру. Я никогда не видел ее плачущей. Она всегда была серьезной и собранной. Пряча глаза, я прошел в ванную и умылся.

Когда я вернулся, рис был готов, горячий и пышный. Сестра улыбалась и что-то напевала. Я вздохнул с облегчением. Она нагрела масло, чтобы обжарить лук. Ее движения были медленными и неловкими. Она не умела готовить, но заверяла меня, что у нее все под контролем. Я сидел на стуле и смотрел на ее спину. Сестра казалась мне маленькой и хрупкой. Было почти десять часов вечера, когда она закончила стряпать.

Она поставила карри на стол.

– Вот, попробуй. Скажи мне, что ты думаешь.

Я попробовал ее шедевр. Он напоминал картофельное пюре и морковный суп с плавающими кусочками мяса. Сестра взяла тарелку и выложила на нее рис, а сверху полила карри. Блюдо было еще горячее, но я погрузил в него ложку и ел.

– Как тебе? – спросила сестра, сверкнув глазами.

– Восхитительно. – Я выставил большой палец.

– Правда?

Я кивнул. Ее довольная улыбка – вот что было для меня важнее всего.

– А ты? Почему ты не ешь? – спросил я.

– Потом, – ответила сестра. – Сначала я хочу посмотреть на тебя, как ты ешь. У тебя такой довольный вид.

– Вкусно, вот я и довольный. – Я отправил в рот еще одну полную ложку риса. – В следующий раз ты тоже что-нибудь приготовишь?

– Не проблема. С этого момента я буду готовить каждый день. Что еще ты хочешь съесть?

– Я съем что угодно, если это будет так же вкусно.

Она зарделась, довольная. Я уже не помню вкус того кушанья, но знаю, что оно мне понравилось.

На следующий день сестра купила несколько кулинарных книг. Шло время, она готовила все лучше и лучше. Ее блюда были простыми, но я всегда ощущал в них домашнее тепло. Я благодарен сестре за то, что она вернула в мою жизнь

ощущение дома.

На двадцатилетие я подарил ей кухонный нож. Поварской нож с деревянной рукояткой и белым заплечиком, самый дорогостоящий подарок, какой я делал кому-либо. Она пользовалась им каждый день и взяла с собой, когда уехала из Токио.

Я вспомнил о нем, когда инспектор сказал про нож. Вероятно, он остался в комнате, которую она снимала. Несколько месяцев назад она сообщила мне, что съехала с предыдущей квартиры. Она не дала мне свой новый адрес, но его наверняка знают у нее на работе. Мне все равно придется туда позвонить, чтобы узнать, не надо ли забрать что-то из ее личных вещей.

Мои часы показывали девять пятнадцать. Школа экстерна так рано не открывается.

Я вернулся в отель и налил себе в холле чашку кофе. Устроившись на одном из стульев, я покосился на уборщицу. Она проигнорировала меня, когда я вынул завернутый сэндвич. Содрав пластиковую обертку, я вонзил зубы в мягкий хлеб. Сельдерей был прохладный и приятно хрустел на зубах, сочный тунец ласкал нёбо. Вкусно. Кофе еще дымился, когда я доел последние крошки, поэтому я взял газету и пробежал глазами заголовки.

Два парня в масках и на мотоцикле украли сумочку, но ее владелица сообщила, что в ней была лишь Библия. Еще там была статья о безопасности на дорогах, другая – об открытии торгового центра. Ничего примечательного. Как сказал инспектор, Акакава – безопасный город. Я не смог найти ни строчки про убийство. Люди так быстро переключаются на свежие новости.

Я убрал газету в пластиковую сумку и достал путеводитель. На первой странице там была раскладная карта города со множеством красочных картинок.
Я обнаружил список автобусных маршрутов. Что ж, это мне пригодится. Далее несколько страниц было посвящено городским достопримечательностям: храмам, историческим постройкам, паркам и торговым центрам. Площадь города составляла 252 136 квадратных километров. Он расположен на возвышенности. Неудивительно, что мне было немного холодно.

Я всегда удивлялся, почему сестра из всех городов выбрала именно Акакаву. Она никогда не была тут раньше. Я хотел спросить у нее об этом, но все как-то не было подходящего случая.

Листая страницы, я увидел множество объявлений, относившихся к образованию. Хостел для студентов, новая школа экстерна, частный педагог по музыке, специализированные курсы английского. По-видимому, она увидела эти вакансии и решила попробовать себя в педагогике.

Я снова взялся за кофе, но он был уже холодный. Я вылил его и вернулся к себе в номер.

В час дня я снова спустился в холл. Там больше никого не было. На краю конторки стоял платный телефон. Я вставил в него монету и набрал служебный номер сестры. У меня сразу вспотели ладони. После смерти сестры я избегал телефонных звонков: они напоминали мне о ней, и я почти ожидал услышать ее голос. К счастью, мне не пришлось долго ждать. После первого гудка в трубке послышался веселый женский голос.

– Спасибо, что вы позвонили в Йоцубу, – сказала сотрудница. – У телефона Абе. Чем я могу вам помочь?

– Я – Рен Ишида, – сказал я, – младший брат Кеико Ишиды.

Недолгое молчание в трубке.

– Мне так жалко госпожу Ишиду, – сказала Абе. – Я могу вам чем-то помочь?

– Можно мне приехать и забрать ее вещи? И у вас случайно нет ее нового адреса? Кажется, она недавно переехала.

– Пожалуйста, подождите минутку.

Должно быть, она прикрыла микрофон ладонью, потому что я слышал лишь приглушенные голоса. Она разговаривала с другой женщиной.

– Господин Ишида?

– Да.

– Вы можете приехать завтра в любое время после часа. Мы заканчиваем работу в девять.

– Спасибо.

Я положил трубку и увидел за конторкой женщину в кимоно. Интересно, слышала ли она мой телефонный разговор? На прошлой неделе об этом убийстве наверняка писали все местные газеты.

– Добрый день. – Женщина поклонилась мне.

Если она и слышала мою беседу, то держалась весьма профессионально. Я не заметил даже крошечной перемены в ее мимике. Лицо ее сохраняло серьезное выражение, под стать мрачному тону кимоно. Я расслабился, успокоенный отсутствием интереса к моей персоне.

– Э-э…

Сам того не желая, я произнес вслух этот звук, и женщина посмотрела на меня.

– Я просто подумал, слышали ли вы о недавнем убийстве. Я был знаком с жертвой, – сообщил я.

– Так вы приехали сюда на похороны?

Я кивнул.

– Пожалуйста, подождите минутку. – Она исчезла в задней комнате и вернулась с газетой. – Вот, можете взять.

– Спасибо. – Я забрал у нее газету. Статья об убийстве занимала всю первую полосу. Я сунул газету под мышку, пытаясь сохранить присутствие духа. –

Простите, вы?..

Женщина в кимоно улыбнулась.

– Я – Нацуми Кацураги. Если вам понадобится что-нибудь еще, скажите мне.

Я еще раз поблагодарил ее и пошел в ближайшее кафе. На обратном пути я заглянул в знакомый магазин самообслуживания и купил лапшу быстрого приготовления.

Когда я вышел на улицу, в сером небе прогремел гром. Я ускорил шаг и вбежал в отель за секунду до ливня. Напряжение и отвратительная погода вымотали меня. Я вернулся в номер и заснул. Через шесть часов меня снова разбудил голод. Налив в контейнер горячей воды из-под крана, я ждал, когда лапша станет мягкой.

Дождь все еще лил как из ведра, когда я раздвинул шторы. Я ничего не узнаю и не сделаю, если так будет продолжаться. И я решил, что завтра, несмотря на погоду, пойду туда, где погибла моя сестра. Я даже не догадывался, что ждало меня там.

Глава 3

От мужчины, которого она любила, пахло табаком

Серые тучи плыли по небу, заслонив утреннее солнце. Темная асфальтовая дорога блестела после вчерашнего ливня. Я открыл путеводитель и изучил карту Акакавы, потом сунул его в карман куртки.

Элегантная особа неторопливо шла впереди меня на высоких каблуках. Тротуар был узкий, я не мог обогнать ее, пришлось сбавить темп. Я глядел по сторонам и ничего не узнавал. Впрочем, я был в этом городке лишь один раз семь лет назад и то всего несколько часов.

В тот ветреный апрельский день сестра встретила меня на вокзале. Мы немного прошлись и заглянули в расположенное неподалеку кафе. Матери я сказал, что буду готовиться к урокам в доме моего друга, так что в моем распоряжении было лишь несколько часов.

Пока мы ждали заказанные блюда, сестра расспрашивала меня об учебе. Отвечал я по большей части односложно. Мне было скучно рассказывать про школу.

– У тебя есть девушка? – спросила потом сестра.

– Да, – ответил я. Ведь мне уже было семнадцать.

Она удивленно подняла брови.

– Почему ты не сказал мне?

– Ну, вот я говорю тебе сейчас.

Я не стал говорить, что встречался с несколькими девочками еще до ее отъезда из Токио. Причем я не пытался как-то это скрывать. Просто она никогда не спрашивала, а я не видел необходимости сообщать ей об этом.

– Какая она? Как выглядит? – поинтересовалась сестра.

– Она нормальная. Все у нее о’кей. – Я пожал плечами.

– Обещай, что познакомишь нас.

– Ладно.

Я так и не выполнил это обещание. Я перестал встречаться с той девчонкой еще до того, как у сестры появился шанс с ней встретиться. Так было и с другими девчонками до Наэ.

Наэ была совсем другая. На этот раз я сам рассказал о ней сестре. Даже хотел их познакомить. Но теперь сестры уже нет в живых, а с Наэ я поссорился. После той ссоры в итальянском ресторане я больше не общался с ней. По сравнению с моей нынешней утратой та ссора уже казалась мне далекой и маловажной. Мне не хотелось общаться ни с Наэ, ни с кем-то еще. Я хотел, чтобы меня оставили в покое, одного в этом незнакомом городке.

Я зашел в цветочную лавку – поблизости от отеля «Кацураги» – и спросил у цветочницы лаванду, любимый цветок моей сестры.

– Мне жаль, но у нас нет лаванды, – сообщила цветочница. – Могу я спросить, по какому случаю вы покупаете цветы? Для кого?

– Для женщины, – ответил я после некоторых колебаний.

Ее лицо прояснилось.

– Для близкой вам женщины? Сейчас… – Она взяла букетик крошечных белых цветов. – Вот, посмотрите. Вам нравится? Они символизируют вечную любовь.

– Хорошо, я возьму. – Я улыбнулся.

Цветочница собрала букет и перевязала его атласной лентой.

Выйдя из лавки, я почувствовал дуновение холодного ветра. Вдалеке рокотал гром. Как я мог забыть, что уже июнь? Начинался шестинедельный сезон дождей. Я сунул руки в карманы и ускорил шаг.

Я прошел минут пятнадцать и очутился на широком, пологом склоне. С одной стороны виднелась глубокая долина, с другой – пышная растительность. Мимо меня не проехал ни один автомобиль, возможно, потому что был ранний час. С того места, где я стоял, казалось, что дорога уходит в бесконечность, но я видел карту и знал, что она потом свернет влево и сольется с автомагистралью.

В том самом месте, где погибла моя сестра, полиция выставила щит, объявлявший о розыске свидетелей преступления. Но если быть реалистами,

каковы шансы их найти? Если кто-то видел убийство, он давно явился бы в полицию. Хотя, может, просто не хочет встревать в это дело. Ну а в таком случае никакое объявление не подействует.

Для меня жизнь – такая загадка. Кто бы мог подумать, что не кто-нибудь там, а моя сестра уйдет из жизни так рано и так трагически? Хотя за эти семь лет я ни разу с ней не виделся, она все равно оставалась самым близким для меня человеком. Никто не сможет заменить мне сестру. Моя жизнь никогда уже не будет такой, как прежде.

Я присел на корточки и положил букет на землю. За щитом я заметил белую струйку дыма, поднимавшуюся кверху. Что там такое? Я подошел ближе и пригляделся. На сырой земле лежала сигарета «Семь Звезд».

Моя сестра когда-то была влюблена в мужчину, курившего «Семь Звезд», хотя я никогда бы не догадался, что он курильщик, если бы не она.

Господин Цуда был моим классным руководителем и самым молодым учителем в нашей школе. Он был мастер на выдумки, и на его уроках всегда было интересно. Неудивительно, что его любили ученики. Сестра познакомилась с ним, когда пришла в школу, чтобы забрать мой табель успеваемости.

– Рен, ты молодец, – похвалила она меня, когда мы шли домой. Она всегда так говорила, какие бы отметки я ни получал.

– Спасибо, что пришла, – сказал я.

– Не стоит благодарности. – Она взъерошила мне волосы. – Так делают все старшие сестры.

– Ладно тебе, – отмахнулся я, зная, что она преувеличивает. Я ненавидел родителей, взваливших на нее эту обязанность, но не хотел огорчать ее, поэтому больше ничего не добавил.

– По-моему, твой учитель все понимает, – сказала она. – Он не стал задавать лишних вопросов, когда увидел меня.

– Угу, он неплохой.

– Господин Цуда выглядит слишком молодо для учителя. Ты случайно не знаешь, сколько ему лет?

– Тридцать три.

– Знаешь, он абсолютно мой тип. Высокий, приятный, с доброй улыбкой.

Я остановился.

– Не говори мне, что он тебе нравится.

– Слушай, ты ведь сказал, что он неплохой.

– Он слишком старый.

– Возраст не имеет значения. – Она пожала плечами.

– А еще он скоро женится.

– Правда? – Она вздохнула, хотя не казалась слишком разочарованной. – Жалко, но я думаю, что у такого приятного мужчины должна быть подружка. Было бы удивительно, если бы ее не было.

– Он не обратит на тебя внимания. Для него ты еще маленькая и сопливая.

– Не груби мне. – Она толкнула меня локтем.

Я сердито сверкнул глазами, но вскоре забыл про наш разговор. Потом кто-то из одноклассников сказал мне, что видел, как господин Цуда шел с моей сестрой.

– Ты наверняка принял за нее кого-то другого, – отмахнулся я. Но вскоре и другие ребята сказали, что видели их вместе. Однако я не верил, что она могла встречаться с ним. Ведь господин Цуда скоро женится. Моя сестра не из тех, с кем можно поиграть и бросить. Так что это наверняка какое-то

недоразумение.

Но однажды я и сам увидел, как господин Цуда и моя сестра сидели в кафе на Коэнджи. Они оживленно беседовали и смеялись, не замечая, что я стоял на другой стороне улицы.

Я не знал, что сестра пьет кофе. А господин Цуда выглядел иначе, чем в школе. Вместо обычной строгой одежды на нем были джинсы и майка. Но больше всего меня обеспокоило выражение на лице сестры. Я никогда не видел ее настолько счастливой. Она была совсем не такой, как всегда, и мне это не понравилось.

Много позже я понял, что так смотрят влюбленные. Но в то время я этого не понимал. Я стоял на улице, вытаращив глаза, и мне казалось, что какая-то невидимая рука сжимала мой желудок. Я не мог подойти к ним. Мои ноги налились свинцом. Через некоторое время я как ни в чем не бывало вернулся домой, но эта картинка часто всплывала в моем сознании.

Когда я видел в школе моего учителя, та сцена тут же всплывала в моей памяти, и ужасное ощущение возвращалось. Я старался не думать об этом, но это не помогало. Тогда я решил поговорить с сестрой.

– Тебе все еще нравится господин Цуда? – спросил я.

Мы были с ней вдвоем и ели на ланч спагетти с говядиной. Мне показалось, что момент самый подходящий. Забавно, но после стольких лет я до сих пор помню, что мы ели в тот день.

На ее лице ничего не отразилось.

– Почему ты спрашиваешь об этом?

– Ты мне говорила, что он твой тип.

– Он и вправду мой тип. Мы с ним были бы хорошей парой, правда?

Я молчал, а она смотрела на меня, ожидая ответа. Она словно бросала мне вызов.

– Он старый. – Я ковырял вилкой спагетти. – Такое впечатление, будто ты ходишь на свидания с отцом.

– Не говори глупости. Для этого он должен был бы стать отцом в шестнадцать лет.

– Ты только что сама признала, что он вдвое старше тебя.

– Когда мы станем старше, разница не будет казаться такой большой, – настаивала она. – Скажем, женщине пятьдесят три года, а мужчине шестьдесят девять.

Я не верил своим ушам, слушая ее рассуждения.

– Но ведь тебе семнадцать, а ему тридцать три. Это нехорошо.

Она хмуро смотрела на меня.

– А еще он женат, – добавил я.

Сестра вскочила из-за стола и вышла. Я пожал плечами и продолжил есть. Мне казалось, что я остановил ее и не дал погрузиться еще сильнее в проблемные отношения. Такие вещи просто недопустимы.

На следующий день она держала себя так, словно того разговора и не было. Она ничего не говорила, и я тоже ничего не говорил. Мы больше не возвращались к этой теме. Все было хорошо, или так мне казалось, но через несколько недель она приготовила на ланч лишнюю порцию.

– Сегодня я не смогу пообедать с тобой, – сообщила она. – Я приготовила рис карри. Ты сумеешь его разогреть?

– Да, сумею. – Я кивнул.

Обычно мы с ней обедали вместе, и это было необычно, но мне даже не пришло в голову спросить, куда она собиралась пойти. А надо было бы сообразить, что что-то не так.

В шесть часов я разогрел приготовленную сестрой еду. Моя тарелка одиноко стояла на столе, да и рис карри казался не таким вкусным, как обычно. Я выбросил половину в контейнер для мусора, взялся за домашнюю работу и разложил учебники по всему столу, заполняя пустоту. Я сидел над уроками, пока у меня не стали слипаться глаза. Когда я пошел спать, сестра все еще не вернулась домой.

Среди ночи меня разбудил необычный шум.

Я встал и пошел на этот звук. Он привел меня на кухню. Свет не горел, занавески были задернуты, мои глаза медленно привыкали к темноте. Сестра сидела на полу. Я подбежал к ней.

– Что случилось? – спросил я.

– Ничего, – прошептала она. – Все в порядке, Рен. Иди спать.

Даже в темноте я разглядел сверкавшие полоски влаги на ее щеках.

– Почему ты плачешь?

– Нет, что ты. – Она вытерла лицо рукой. – Я не плачу.

– Что случилось?

– Ничего.

Я сжал кулаки.

– Это все он виноват, да?

Она не ответила и продолжала плакать. Я пошел к себе, оделся и уже подходил к двери, когда сестра схватила меня за руку.

– Ты куда направляешься? – спросила она.

– Хочу разыскать господина учителя, – ответил я. – Я заставлю его извиниться.

Она опустила голову.

– Рен, он не сделал ничего плохого. Это была моя затея, и я ни о чем не жалею. Извиняться никому не надо, так что, пожалуйста, не усложняй ситуацию. Она и так сложная.

Я попытался выдернуть руку, но сестра крепко стиснула ее. Даже удивительно, откуда у нее взялась такая сила. Ведь она была ненамного крупнее меня.

Мы стояли возле двери и молчали. Никто из нас не проронил больше ни слова. В теплой летней ночи громко звенели цикады.

– Отпусти мою руку, ладно? – сказал я наконец. – Я никуда не пойду.

Сестра разжала пальцы, вернулась на кухню, села за стол и закрыла лицо руками. Она не издавала ни звука, но ее плечи сотрясались.

Что мне надо было сделать? Обнять ее за плечи? Это было бы неловко, и я так и не решился.

В ту ночь она выплакалась, по-моему, за несколько лет. Я никогда прежде не видел таких ее бурных слез, даже когда она смотрела телесериалы.

Когда лучи солнца проникли сквозь щели между тяжелыми бархатными шторами, она вытерла лицо и спросила, сколько времени.

– Четверть шестого, – ответил я, взглянув на часы за ее спиной, и тоже спросил, пародируя ее обычный вопрос: – Скажи мне, ты узнала что-то новое?

Она грустно улыбнулась.

– Я узнала, что он курит «Семь Звезд».

– Ты ненормальная, – сказал я, – или тупая, или то и другое вместе. Ненормальная и тупая.

Сестра расхохоталась. По ее лицу я понял, что она была и грустна и счастлива одновременно.

Она встала на ноги и потянулась.

– Приготовить тебе завтрак?

– Да, пожалуйста, – ответил я, радуясь, что эта ночь подошла к концу. – Только постарайся, чтобы он был вкусным. Из-за тебя я страшно не выспался.

Сестра рассмеялась и приготовила омлет «омурайсу». Она нарисовала на нем кетчупом смеющуюся рожицу, и эта картинка помогла мне благополучно закончить начальную школу и не побить учителя математики.

Я знал, что господин Цуда больше не встречался с моей сестрой. Сомневаюсь, что он знал о ее отъезде из Токио, не говоря уж о ее смерти. Возможно, он даже не вспоминал о ней. Но все же сигарета «Семь Звезд» принесла мне странное утешение.

Сигарета выгорела лишь наполовину. Бросивший ее человек был тут недавно. Я огляделся по сторонам, но никого не увидел.

На другой стороне долины стояли ряды современных двухэтажных домов. Безликие и компактные, с четырехскатными крышами и каменными стенками вокруг сада, они лишь отдаленно соответствовали традициям японской архитектуры.

Я представил себе, как в одном из тех домов живет семья из четырех человек: отец, мать и двое детей. Отец – хирург, мать – домохозяйка, любит печь пироги.

Дочь, старшая из детей, играет на пианино. Сын болеет за футбольную команду «Верди Кавасаки». Каково жить в такой образцовой семье? Если бы мы родились в такой семье, может, и моя сестра была бы жива?

На меня упали первые капли дождя. Зловещие, темные тучи заволокли небо, раскаты грома сигналили о приближавшемся ливне.

Я накинул на голову капюшон и побежал вниз по склону к беседке, стоявшей над долиной. Я оказался не единственным, кто искал укрытие. Там уже была девушка в белом пуловере и черных легинсах. Ее длинные волнистые волосы трепетали на ветру. Я улыбнулся ей, но она отвернулась. Я сел на скамейку и стряхнул с рук капли воды. Дождь усиливался. Похоже, он зарядил надолго.

Девушка достала из кармана пачку сигарет «Семь Звезд». У меня замерло сердце. Может, это ее окурок я видел на дороге? Она сунула сигарету в рот и зажгла ее золотой зажигалкой «Зиппо». Прищурив глаза, глубоко затянулась. Запах табака смешивался с запахом дождя. Крутя сигарету в длинных, тонких пальцах, она выпустила дым прямо в дождевую завесу, начинавшуюся в нескольких дюймах от ее лица. Она была настоящая красавица. Ей было лет двадцать пять? Или двадцать с небольшим? Нет, даже меньше. Она слишком молода, чтобы курить.

Она взглянула на меня, и я отвел взгляд. У меня вспотели ладони, и я вытер их о подкладку карманов.

– Хочешь сигарету? – спросила она.

Я покачал головой.

– Не курю. – В старших классах я пробовал несколько раз, но мне сразу вспоминался господин Цуда, так что я никогда не смогу насладиться хорошей сигаретой.

Девушка продолжала курить, глядя на дождь. Может, все дело в обстановке, но мне она казалась воплощением элегантности. Я не мог оторвать от нее глаз.

Когда сигарета почти догорела, девушка бросила ее на пол и раздавила кроссовкой «Конверс». Тут же зажгла другую. Так незнакомка делала несколько раз, без перерыва. Я насчитал восемь сигарет. Потом дождь начал затихать, и она ушла. Оставшись один, я немного помедлил и вернулся в отель.

Почему-то я не мог выбросить из головы мысли об этой девушке. Если бы не мой скептицизм, я принял бы это за любовь с первого взгляда. Но нет, все было не так просто.

Глава 4

Как я попал в Йоцубу

Сестра работала в четырехэтажном здании школы экстерна. Его было трудно не заметить. На фронтоне красовались огромные буквы «ЙОЦУБА», за стеклянными панелями – приветственные строки от знаменитых выпускников.

В здание входила группа девочек в матросках. Набрав в грудь воздуха, я последовал за ними. Раздвинулись автоматические двери, мне в лицо повеяло холодом и ароматом жасмина.

В холле стояли пластиковые стулья и двухместный диван. За стойкой администратора сидела полная пожилая женщина.

– Госпожа Абе? – спросил я.

Она встала и посмотрела на меня сквозь очки.

– Вы господин Ишида?

– Да. – Я слегка растянул губы в улыбке.

Она вышла из-за стойки.

– Я отведу вас в офис.

Мы карабкались по ступенькам, проталкиваясь через толпы учащихся. Они смеялись, дразнили друг друга, толкались, веселые и беззаботные.
Я с удивлением подумал, что и я был когда-то таким же.

Четвертый этаж представлял собой открытое офисное пространство. Низкие перегородки отделяли ряды столов, заваленных книгами и бумагами. Рабочее место моей сестры находилось возле окна. По сравнению с другими ее стол был опрятным и строгим, но казался безжизненным. Ни фотографий, ни плюшевых игрушек. Даже не догадаешься, что на этом месте сидела именно она. Здесь мог сидеть кто угодно.

– Подождите тут, – сказала Абе. – Если хотите что-нибудь выпить, можете воспользоваться комнатой отдыха для преподавателей. Наш директор пока на совещании. Как только он освободится, он передаст вам вещи госпожи Ишиды.

– Спасибо, – поблагодарил я.

Она поклонилась и ушла.

Сидя за столом сестры, я смотрел на оставшиеся после нее справочники, методички, листки с работами студентов и блокноты. Что тут было лично ее, а что принадлежало ее работе? Я совершенно не представлял себе, что могу взять, а что нет.

Через некоторое время мне захотелось переменить позу. Я встал, потянулся и только тут понял, что на меня поглядывали окружающие. Вот, например, миниатюрная женщина, сидевшая по соседству со мной. Когда наши глаза встретились, она быстро перевела взгляд на свою клавиатуру. Теперь все поспешно сделали вид, будто поглощены работой, и мне внезапно показалось, будто это я их изучаю. Тяжело вздохнув, я сел на место и снова почувствовал на себе их взгляды.

Когда люди глядят на меня, мне становится не по себе. Я раньше не замечал этого. Но четырнадцать с лишним лет назад, мне как раз стукнуло десять, сестра пошла со мной в зоопарк Уэно. Мы смотрели, как морской лев нежился на солнце, лежа на каменной плите.

– Как ты думаешь, животные ненавидят нас? – спросила сестра.

– Зачем им нас ненавидеть? – удивился я и пожал плечами.

– Взять хотя бы этого морского льва. Он живет в ограниченном пространстве, под взглядами посетителей. Ведь неприятно, когда на тебя каждый день таращатся тысячи и тысячи людей.

Она повернулась ко мне, а я опустил глаза.

– По-моему, Рен, ты особенно чувствительный, – сказала сестра. – Ты всегда нервничаешь и отводишь взгляд, когда на тебя смотрят.

– Нет, я не нервничаю. Просто не люблю, когда меня разглядывают, – возразил я. – А у этих животных неплохая жизнь; они целый день едят да дрыхнут. Ни домашних заданий, ни экзаменов, к которым надо готовиться. Так что им нечего жаловаться.

– Что ж, ты прав. – Она обняла меня за плечи.

Еще один морской лев выскочил из воды на каменную плиту, лениво посмотрел на зрителей и снова нырнул в прудик.

– А может, наоборот, зоопарк для животных – такое место, где они смотрят на людей как на экспонаты, – продолжала сестра. Даже в те годы она уже мыслила нестандартно. Она всегда этим отличалась.

Я подошел к миниатюрной женщине.

– Извините, – сказал я, и она вздрогнула от неожиданности. – Извините, что помешал вам. Скажите, где тут комната отдыха?

– Хм-м, идите прямо, потом сверните налево. – Она махнула рукой на дверь, по обе стороны которой стояли два картотечных шкафа, видавшие лучшие времена.

Я направился туда, снова ощущая на себе взгляды бывших коллег сестры. Многие удостоили меня лишь краткого внимания, а некоторые таращились на меня открыто. Я вытер о брюки свои вспотевшие ладони.

В комнате отдыха все было весьма скромно: столик, раковина, кулер и мини-холодильник. Никаких стульев. На столе – коробка с пакетиками чая «Сенча» и кувшин с пакетиками растворимого кофе.

– Вам помочь?

Я оглянулся. Рядом со мной стояла женщина в белой блузке и узкой бежевой юбке. Волосы завязаны на макушке в конский хвост. В руке – кружка с надписью «Хард-Рок кафе».

– Тут можно взять какую-нибудь кружку? – спросил я.

– Конечно. – Наклонившись, женщина открыла дверцу шкафчика. Там стояла дюжина керамических кружек. – Только ополосните. Неизвестно, кто пользовался кружкой до вас и хорошо ли помыл за собой.

Я взял одну кружку и подержал ее под струей воды. Полотенца, чтобы ее вытереть, не увидел и просто встряхнул пару раз над раковиной.

Женщина ополоснула свою кружку.

– Вы, должно быть, младший брат Кеико?

Не зная, что ответить, я просто кивнул и взял пакетик с кофе.

– Я огорчилась, когда узнала о той трагедии. Кеико была такая милая и симпатичная, – сказала женщина. – Вы тоже преподаватель?

– Я еще учусь. – Я налил в чашку кипяток. – Заканчиваю магистратуру.

– О, тяжелые у вас времена. Вы к нам надолго?

– Вероятно, на пару недель. Я уже защитил дипломную работу, так что могу позволить себе небольшой перерыв. – У женщины была гладкая кожа и прекрасный цвет лица; по моей оценке, ей было слегка за тридцать. – А вы тут преподаете?

– Да, но я пришла сюда совсем недавно. – Женщина вздохнула.

Я не ожидал, что она новенькая, ведь она назвала мою сестру по имени. Так говорят только любовники или близкие подруги.

– Какая у вас специализация? – спросила женщина.

– Британская и американская литература, – ответил я. – Как у сестры.

Она вытаращила глаза.

– Вы тоже учитесь в Кэйо?[2 - Кэйо – японский частный университет. Часто его сравнивают с университетом Васэда. Лишь Токийский университет превосходит Кэйо и Васэда по престижности, однако он не столь элитарен в плане социального статуса студентов.]

– Да. А вы наша выпускница?

– Нет, дело не в этом. – Она широко улыбнулась. – Скажите, вы не хотите работать у нас?

Вопрос застиг меня врасплох.

– Не глядите на меня с таким удивлением, – усмехнулась она. – Кеико работала тут десять с лишним лет. Она вела почти все английские группы. Мы пытались поделить между собой ее нагрузку, но у каждой из нас и так много всего. Было бы замечательно, если бы вы на время остались у нас. А к зимним каникулам мы подыщем постоянного преподавателя.

– Хм-м…

Она наклонила голову набок.

– Вам не нравится эта идея?

– Как-то неожиданно, должен признаться.

– Я все понимаю, но сейчас у нас сложилась тяжелая, даже катастрофическая ситуация. – Она не скрывала своих эмоций. – Предложение неплохое, поверьте. Плата приличная, уверяю вас. Кеико была старшим преподавателем, у нее были свободные дни. Если работа вам не понравится, вы просто уйдете. Но я уверена, что вы прекрасно справитесь. Учащиеся всегда любят молодых преподавателей.

Я не знал, что и сказать.

– Ваш план интересный, но владелец, возможно, не захочет нанять меня.

– Не беспокойтесь, он уже на грани отчаяния, – засмеялась она.

Предложение звучало убедительно, и я не видел в нем никаких минусов. Честно говоря, это было лучше, чем целыми днями есть да спать, словно морской лев.

Я наморщил лоб.

– Значит, вы представите меня владельцу и…

– Допивайте кофе и идите в кабинет директора. Он прямо за углом, за высокой перегородкой. А я поговорю с ним немедленно. – Она взяла кружку и удалилась. Перед уходом женщина оглянулась и сказала:

– Кстати, владелец Йоцубы – это я.

О, ничего себе…

Я глотнул кофе. Вкус был отвратительный.

Назвать кабинетом помещение, где сидел директор, было бы большим преувеличением. На самом деле это был небольшой закуток на четвертом этаже, отгороженный передвижными панелями.

Я увидел мужчину средних лет с седыми волосами – скорее по генетической предрасположенности, чем от жизненных стрессов. Но что привлекло мое внимание, так это комнатное растение с яркими, разноцветными листьями, стоявшее на его столе. Я никогда не видел ничего подобного.

– Вы – Рен Ишида? – Директор жестом пригласил меня сесть. – Я слышал от Хироко, что вы заканчиваете учебу в Кэйо.

– Да.

– Замечательно. Кэйо – один из лучших университетов. Среди его знаменитых выпускников Рютаро Хасимото. Лично я убежден, что он станет следующим премьер-министром. – Директор выдвинул ящик стола и порылся в нем. – Вы можете приступить к работе с завтрашнего дня?

Это уж слишком быстро. Ведь у меня даже не было постоянного жилья.

– Может, лучше со среды?

– Что ж, со среды так со среды. – Он взял две копии контракта и раскрыл одну. Выпрямившись, положил ее на стол и поставил маленький крестик. – Пожалуйста, распишитесь тут.

Он хотел, чтобы я, не читая, подписал контракт? Вопреки здравому смыслу я послушался. Директор взял подписанную мной копию и вручил мне другую.

– Да, чуть не забыл. – Он вынул из того же ящика папку. – Вот бумаги Кеико.

– Спасибо.

Директор крепко пожал мне руку.

– Добро пожаловать в Йоцубу. Увидимся на следующей неделе. Пожалуйста, приходите не позже половины третьего.

Вот так. Я устроился на свою первую работу. Что ж, зато мне не придется забирать домой вещи моей сестры, лежавшие на ее столе.

В тот вечер мне позвонил Хонда.

– Я услышал, что ты будешь работать у нас, – с удивлением сказал он.

Я засмеялся.

– Неожиданный поворот событий, правда? Но это всего на несколько месяцев.

– Попробуй. В конце концов, может, тебе понравится.

– Может, – согласился я. – А та женщина, Хироко, действительно владелица Йоцубы?

– В некотором смысле да. Почему ты спрашиваешь?

– На вид она такая молодая.

– Наша школа экстерна – семейный бизнес, основанный ее дедом, – пояснил Хонда. – В последние годы всем заправлял ее отец. Но недавно он заболел, и теперь делами занимается Хироко. Но не беспокойся – несмотря на свой возраст, она нормально справляется с делами.

Значит, она не выбирала это место, а получила его по наследству.

– Я и не беспокоюсь. Просто поинтересовался.

– Так это она завербовала тебя? Что ж, она постоянно твердит нам, что надо нанимать больше молодых и красивых парней для мотивации учениц. А то многие из наших преподавателей уже далеко не первой молодости.

Я сухо засмеялся.

– Эй, Ишида, ты свободен в воскресенье? У меня выходной. Давай отпразднуем вместе твою новую работу.

– В воскресенье не получится, – вздохнул я. – Я договорился на утро с хозяином дома, где жила сестра. Заберу ее вещи. Не знаю, сколько времени у меня на это уйдет.

– Я могу подвезти тебя. Ведь легче перевезти вещи на моей тачке.

Хонда и так мне очень помог, и мне не хотелось и дальше беспокоить его.

– Ничего страшного, я могу взять такси.

– Не трать на это деньги. У меня нет никаких дел на воскресенье. Впрочем, можешь потом угостить меня ланчем.

Похоже, он даже не хотел слушать мои возражения.

– Ну, раз это тебя не затруднит…

– Никаких проблем, – заявил он. – Куда нам ехать?

Я достал из бумажника листок с наспех нацарапанным адресом.

– В Сегаяки.

– Сегаяки? – удивленно переспросил Хонда. – Самый престижный район. Вот уж не подозревал, что Кеико там жила. Ее хозяин, вероятно, богач.

– Какой-то человек по имени Косуги Катоу, – пробормотал я, глядя на бумажку.

– Косуги Катоу? – негромко воскликнул Хонда. – Ты шутишь?

– Ты его знаешь?

– Конечно знаю. Его знают все в Акакаве.

– Он что, знаменитость?

Хонда засмеялся.

– Пожалуй, можно сказать и так.

Глава 5

Политик и его жена

Косуги Катоу в самом деле был в некотором смысле знаменитостью.

– Он политик. Тут все его знают. Сам он из семьи высокопоставленных чиновников и известных политиков, – сказал Хонда. – Ты слышал когда-нибудь о Рю Катоу, члене парламента? Так вот это его дядя.

Имя было смутно знакомым, но я не интересовался политикой.

– Гляди, какой огромный дом.

Я кивнул и нажал на кнопку звонка. Мы стояли перед белым террасным домом в стиле «вестерн», расположенным в приятной местности, мирной и спокойной.

Дверь открылась, нас встретил мужчина средних лет в мятом темном костюме, странно сочетавшемся с бежевыми домашними шлепанцами. Я невольно обратил внимание на толстые белые носки на его ногах.

Мне показалось, что Косуги Катоу был недоволен нашим появлением. Но через некоторое время я понял, что такой вечно недовольный вид ему придавали глубокие морщины, изрезавшие его лоб. Мы представились. Катоу сухо кивнул и лишь после этого пригласил нас в дом. Этот человек явно не любил зря

тратить слова. Мы сняли обувь и отправились за ним.

Он привел нас в просторную гостиную. Вся мебель была в стиле «вестерн», белая. Кружевные занавески украшали огромные окна. Они взмывали вверх при каждом дуновении ветра, напоминая хвосты золотых рыбок.

Мы шли по коридору мимо библиотеки и домашнего кабинета. На стенах висели ряды картин, исключительно сельские ландшафты и, судя по одинаковому стилю, выполненные одним художником.

– Вы сами пишете картины, господин Катоу? – поинтересовался Хонда.

– Нет, это работы моей жены, – ответил Катоу впервые за все время.

Его тон был точно таким же, как и по телефону, бесстрастным и серьезным. Холодным. Где-то я слышал, что политики – самые одинокие люди на планете. Вероятно, в этом есть некая правда.

Комната, которую занимала моя сестра, была слишком просторной для нее одной. В центре стояла кровать с гармонирующей с ней тумбочкой; их украшали трафаретные узоры английских роз. У двери стоял белый деревянный гардероб, а у окна – письменный стол, точно такой, как я и представлял себе всегда. Я почувствовал стеснение в груди.

– Я буду в библиотеке, – сообщил господин Катоу и оставил нас одних.

Мы стояли, неловко переглядываясь.

– Так что мы будем делать? – спросил Хонда.

– Я разберу ее вещи, – ответил я. – Большую часть я, пожалуй, отдам в благотворительную организацию.

– Ты уверен, что они не нужны твоим домашним?

Я вспомнил про родителей.

– Нет, не думаю. – Они не захотят взять ничего, что напоминало бы о ней.

Я начал с гардероба. Там было большое отделение, полка наверху, а внизу – выдвижной ящик. В большом отделении висела одежда для официальных случаев. Сестра развесила ее по цвету – черная – серая – белая, потом коричневая и бежевая и, наконец, более яркая цветная. Систематично и приятно. Внизу в четырех аккуратных стопках лежали блузки, футболки и пижамы. Почти ничего из одежды я не узнавал, и это напомнило мне, как мало мы виделись после ее переезда в Акакаву.

Я обратил внимание, что у сестры не было ни брюк, ни шорт. Я пытался вспомнить, носила ли она их когда-нибудь. Нет, не носила, разве что школьную спортивную форму.

На полке она держала полотенца, простыни и сумочки, набитые бумагой, чтобы сохраняли форму. Я знал, что сестра всегда была организованной, но тут меня удивил уровень ее аккуратности.

Я выдвинул нижний ящик и увидел нижнее белье, чулки и шарфы. Они тоже были разложены по цвету. Вспомнив слова инспектора, я содрогнулся при мысли о том, что шарфы могли использоваться как повязка на глаза. Может, лучше, если бы я этого не знал?

Я уже хотел задвинуть ящик, как среди свернутых чулок что-то блеснуло. Это был полупустой флакон духов «Estee Lauder». Я отвинтил крышечку и понюхал. Аромат был холодный, мускусный, классическая американская элегантность. Такой аромат ассоциировался в моем сознании с чистыми, хрустящими простынями и ветерком летнего утра.

После гардероба я взялся за тумбочку. Верхний ящик был разделен пополам. Слева лежали батарейки и провода, справа – несколько аккуратных стопок джазовых кассет. Я открыл дверцу нижней полки и обнаружил стерео. Я представил себе, как сестра лежала на кровати и слушала с закрытыми глазами джаз. Мне пришлось набрать в грудь воздуха, чтобы справиться с эмоциями.

Верх тумбочки был пустой, не считая настольной лампы и красного телефона, гладкого и блестящего, отражавшего солнечный свет. Его обращенная к окну

сторона выцвела, шнур был слегка запутан. Мне было тяжело смотреть на него. Всего неделю назад сестра звонила мне по этому телефону, и вот теперь ее не стало.

– С тобой все в порядке? – спросил Хонда.

– Да, – ответил я.

Выдвинув левый нижний ящик, я обнаружил пару книг и папок. Я достал их и положил на стол. Все они были связаны с работой.

– Как ты думаешь, я должен вернуть что-нибудь из этого? – спросил я у Хонды.

Он заглянул через мое плечо.

– Едва ли. У всех есть собственные экземпляры. Школа выдаст тебе новый комплект, когда ты приступишь к работе.

Все-таки я все тщательно просмотрел. Когда я листал одну из книг, из нее выпал листок бумаги. Что-то подсказало мне, что он может оказаться важным. Не глядя, я сунул его в карман и покосился на Хонду. Но тот глядел в другую сторону и ничего не заметил.

Я обошел комнату, чтобы убедиться, что ничего не пропустил. Под столом стояла корзина для бумаг, а возле гардероба – корзина для белья, обе пустые. Как и должно быть.

– Я закончил, – сообщил я.

– Быстро справился, – заметил Хонда. – Что ты собираешься оставить?

– Возможно, стерео и джазовые кассеты. Мне нужны картонные коробки, чтобы упаковать все остальное.

– У нас в офисе найдутся коробки, но это значит, что сегодня мы не закончим. Может, ты поговоришь с господином Катоу, согласится ли он?

Мы вышли из спальни сестры и направились в библиотеку. Когда дул ветер, по дому эхом разносился нежный перезвон ветряных колокольчиков. Я бы не услышал его, если бы в доме не было так невероятно тихо.

– О чем ты подумал, Ишида? – спросил Хонда.

– Здесь так тихо, – ответил я.

– Думаю, это оттого, что тут нет телевизора.

Когда Хонда сказал об этом, я подумал, что и вправду не видел ни одного телевизора. Но ведь в наши дни телевизоры есть у всех. И я предположил, что он, скорее всего, спрятан в какой-то из комнат.

Однако потом я узнал, что в доме и в самом деле нет телевизора. Господин Катоу сделал дом своим святилищем, где он мог отдыхать от давления окружающего мира. Он избавился от всего, что могло бы вывести его из равновесия. Он не хотел, чтобы дома его тревожили новости о политических соперниках или последних переменах в правительстве. В самом деле, политики – самые одинокие люди на планете.

В библиотеке меня впечатлило количество книг. Вдоль всех стен высились полки от пола до потолка. В центре просторной комнаты четыре кожаных дивана окружали кофейный столик, на котором стояла инкрустированная шкатулка.

Господин Катоу сидел на диване и читал. При виде нас он отложил книгу и пригласил нас сесть.

– Вы все сделали, что вам было нужно?

– Извините, но мы явились неподготовленными, – ответил я. – Вы не дадите нам еще пару дней? Мы приедем с картонными коробками и упакуем в них все вещи.

– Спешки нет, потому что комната все равно никем не занята.

– Я должен внести какую-то плату за проживание? – Денег у меня было немного, но я подумал, что все равно должен спросить.

– Не беспокойтесь, никакой платы я не брал.

– Простите?

Он немного помолчал.

– У нас была договоренность.

Я удивился, не понимая, что это могло означать, но он замолчал, и я видел, что он не хочет говорить об этом. Атмосфера становилась напряженной.
Я повернулся к Хонде, а он уже поглядывал на меня. Какое-то время мы все молчали.

– Ваша супруга дома? – спросил потом Хонда.

Морщины на лбу господина Катоу стали глубже.

– Да, она дома.

– Нам надо бы поздороваться с ней.

– В этом нет необходимости. Она предпочитает быть одна.

– Понятно. – Хонда снова замолчал.

Я воспользовался паузой и окинул взглядом книжные полки. В основном там были англоязычные книги в твердых переплетах, многотомная английская энциклопедия и несколько англо-японских словарей.

– Вы сказали, что вы коллега мисс Ишиды, – сказал господин Катоу Хонде. – Вы тоже преподаете английский?

– Мы были коллегами, но я преподаю математику, – ответил Хонда.

– Вы любите английскую литературу? – спросил я. – Здесь много английских книг.

Господин Катоу покачал головой.

– Это книги моей жены.

– Представьте ей Ишиду, – сказал Хонда. – Этот молодой человек изучает английскую и американскую литературу в Кэйо.

– Это правда?

Я слегка кивнул.

– Да, но я скоро закончу учебу.

Господин Катоу пристально посмотрел на меня. Казалось, он хотел что-то сказать, но так и не открыл рта. Мне стало не по себе. Я извинился и сказал, что мне нужно в туалет, лишь бы уйти.

Идя по коридору, я разглядывал написанные маслом картины. Они не были похожи на японские пейзажи. Несмотря на тонкую, изящную манеру письма, в них не было жизни. Казалось, что их копировали с календаря.

Я остановился возле кухни и посмотрел сквозь стеклянную дверь. Внутри никого не было. Подчиняясь внутреннему голосу, я толкнул дверь и вошел.

Кухня выглядела так, словно ее перенесли из интерьера дизайнерского магазина. Безупречно чистая, ни одной немытой тарелки, ни капли пролитого кофе. Я провел пальцами по сверкающей поверхности полки и хотел уже открыть одну, как услышал приближавшиеся шаги. Оглянувшись, я увидел господина Катоу. Может, он рассердился, что я зашел сюда без разрешения? Понять я не мог; его лицо по-прежнему было бесстрастным.

– Ваша кухня такая красивая и чистая, – сказал я.

Он кивнул.

– Мы почти не пользуемся ею.

– Ваша жена не готовит?

– Сейчас нет. Когда-то готовила. – Он потер нос. – Хонда сказал, что вы собираетесь работать в Йоцубе?

– Да, пока планирую.

– Где вы остановились?

– В отеле «Кацураги».

Он поднял брови и кивнул, но мне показалось, что он не слушал меня.

– Скажите, вам нравится этот дом? – спросил он.

– Да. – Я считал, что, раз хозяин дома задал такой вопрос, ответ должен быть утвердительным, что бы ты там ни думал, тем более что дом мне и вправду нравился. – Он светлый, и в нем много воздуха.

– Моя жена работала когда-то в больнице. Она настояла на том, чтобы в доме было много солнца и чтобы он хорошо проветривался. – Помолчав, он снова спросил: – Вам в самом деле тут нравится?

– Да, да, – ответил я, не понимая, почему он так настойчиво спрашивает об этом.

– У меня предложение, – сказал он. – Если хотите, можете занять одну из свободных комнат в обмен на одну услугу.

Я молчал и ждал объяснения.

– Моя жена нездорова и не может выходить из спальни. Уборщица приходит два раза в неделю и делает необходимую работу по дому. Но мне нужно приносить жене еду. Было бы замечательно, если бы вы помогали ей с ланчем, чтобы мне не приходилось отрываться от работы и приезжать сюда.

Его слова меня удивили. Значит, у него была такая договоренность с моей сестрой? Мне было это понятно, потому что она любила готовить. Но у меня так не получится.

– Господин Катоу, боюсь, я готовлю ужасно, – сказал я.

– Я и не прошу вас готовить. Вы можете пользоваться кухней сколько угодно, если хотите, но вообще нас устроит, если вы будете покупать ланч.

Я не знал, что ответить. Предложение было и логичным и странным. Зачем приглашать к себе в дом незнакомца, которого видишь в первый раз?

– Возможно, вы подумали, что, раз все дело в ланче, тогда почему я не попрошу свою секретаршу? Но дело в том, что это еще не все. Мне нужен человек, который читал бы ей книги.

Мой лоб собрался в морщины не хуже, чем у него.

– Читать ей?

– Моя жена обожает английские книги. Она будет счастлива, если кто-то будет читать ей каждый день по нескольку страниц.

– Ваша жена… могу я спросить?.. – Мой голос оборвался.

– Она нездорова, но ее болезнь незаразная и неопасная.

– Понятно. – Я медленно кивнул, подыскивая подходящий ответ. – Господин Катоу, ваше предложение великодушное, но прямо сейчас… понимаете…

– Я и не рассчитываю, что вы дадите ответ сразу, – перебил меня Катоу. – Но я буду признателен, если вы сообщите о своем решении как можно скорее.

Мы условились встретиться в следующее воскресенье.

Перед нашим уходом господин Катоу пожал мне руку.

– Я надеюсь, что вы серьезно отнесетесь к моему предложению, – сказал он.

Хонда смотрел на нас.

Когда мы сели в машину, он спросил:

– О каком предложении он говорил?

– Чтобы я бесплатно жил в его доме, – ответил я.

Хонда скептически хмыкнул.

– Бесплатно ничего не бывает.

– Ну, не совсем бесплатно. Он хочет, чтобы я покупал ланч для его жены, потому что она болеет и не может выходить сама. Ты знаешь ее?

– Лично не знаком, но несколько раз видел. Она всегда улыбалась. У нас маленький город. Все знают друг друга. – Он тронул машину с места. – Помнится, я слышал, что его жена страдает от депрессии. У них была маленькая дочка, но она умерла несколько лет назад.

– Понятно.

– Ишида, тебе надо принять его предложение. Оно кажется слишком хорошим, чтобы быть правдой, но такой человек, как господин Катоу, не сделает ничего такого, что может разрушить его репутацию. Новости разносятся у нас быстро.

– Я подумаю. – Иногда Хонда держал себя чуточку покровительственно, возможно, потому что был старше меня.

– Что тебя останавливает?

– Сам дом. – Я положил левую руку на край окна. – Он тихий, и это хорошо, но в нем ощущается что-то странное.

– В нем все слишком аккуратно и чисто, поэтому он и кажется странным.

– А что ты думаешь о комнате моей сестры?

– Она подходила ей.

Я согласился с ним. Кеико всегда была организованной и точной. Но ее комната показалась мне такой холодной и безликой. Люди обычно обустраивают свою комнату любимыми книгами, фотографиями, сувенирами. Ты можешь многое узнать о человеке, глядя на его спальню.

А в спальне моей сестры отсутствовали краски. Не считая тех джазовых кассет и флакона духов, ничто не отражало ее личность. Эта комната была безликой, как и рабочий стол в Йоцубе, словно сестра хотела стереть свою личность.

Я думал о работе в Йоцубе и о предложении господина Катоу. Если я пройду той же дорогой, по которой шла моя сестра, то тогда, может, наконец пойму вещи, о которых она никогда не говорила.

Глава 6

Светофор и пропавший нож

Вернувшись в свой гостиничный номер, я достал листок, который взял в спальне сестры. Он был изрядно помят, словно его часто перечитывали. Я узнал почерк Кеико.

Она написала:

«Любовь приходит, когда ты ждешь ее меньше всего. Вот почему англичане говорят «falling in love» – «упасть в любовь». Ты вообще не собираешься падать и никогда не сможешь этому научиться. Ты просто падаешь.

Она захватывает тебя за долю секунды. Ты не успеваешь ни думать, ни тем более реагировать. Когда ты наконец осознаешь случившееся, то понимаешь, что спасения нет. Ты уже провалилась слишком глубоко».

Я смотрел на бумажку. Значит, она приехала в Акакаву в погоне за кем-то или убегая от кого-то? Но сам факт, что она уехала из дома после окончания университета, не стал для меня неожиданностью. Я всегда знал, что это неминуемо случится.

Когда ей исполнилось девятнадцать, сестра купила в зоомагазине девятнадцать птиц. Я хорошо это помню, потому что пошел туда вместе с ней.

Я не помню, что это были за птицы, но у них были черные перья. Владелец лавки посадил их в три клетки. Сестра несла две, а я нес третью. Я не понимал, что она задумала. Птицы были не слишком красивыми и противно пищали.

Когда мы вышли на улицу, я не выдержал и спросил, зачем она их купила.

На ее губах заиграла слабая улыбка.

– Сегодня мой день рождения, и мне захотелось купить птиц.

– Зачем они тебе? Они такие горластые. Мама рассердится, и я не хочу, чтобы нам попало.

Ее улыбка исчезла.

– Я и не собираюсь нести их домой.

– Мы что, съедим их?

– Не говори глупости.

Мы подошли к ближайшему каналу. По обе стороны от воды простирались луга, поросшие травой. На этом берегу я часто играл в футбол со своими друзьями.

После полудня возле канала много бегунов и женщин с детьми, но теперь был вечер, и там было почти пусто.

Мы поставили клетки, и сестра их открыла. Мы ждали, что птицы вылетят, но они и не собирались. Так и сидели в открытых клетках.

– Странно, – прошептала сестра. – Почему они не улетают?

Она свистнула, чтобы спугнуть птиц, но они и не пошевелились. Она громко захлопала в ладоши. Опять без результата. Сестра, разочарованная, подняла одну клетку и встряхнула ее. Одна из птиц вылетела. Остальные последовали за ней. С довольной улыбкой сестра смотрела, как они взмывают в небо.

Старик, выгуливавший своего золотистого ретривера, подошел к нам.

– Девушка, не нужно выпускать этих птиц, – сказал он. – Вы не принесете им добра. Они не умеют искать пищу и пристанище и скоро все умрут. – Проговорив это, он пошел со своей собакой дальше.

Сестра огорчилась. Мне захотелось ее утешить.

– Может, все не так плохо? – уговаривал я ее. – Если даже они скоро умрут, все равно их жизнь была счастливее, чем у тех, кто просидит в клетке всю жизнь. К тому же старик, возможно, ошибается. Птицы тоже умеют адаптироваться, правда?

Она ничего не ответила. Мы молча вернулись домой.

Мне часто казалось, что этот случай послужил катализатором.

Через три года после того дня сестра собрала свои вещи и купила билет в такое место, где никто из нас не был. Возможно, ей хотелось стать свободной. И она в конце концов безвременно умерла, как те птицы.

В тот день, когда сестра уехала из Токио, я вернулся домой и обнаружил там хаос. Клочки бумаги, палочки для еды и ножи, битые тарелки и бокалы усеяли весь пол. Одна из настольных ламп лишилась абажура. В гостиной мать

подметала пол.

– Что случилось? – спросил я. – Почему такой разгром?

Она ничего не ответила и продолжила уборку.

Я застыл у двери. Не смел пошевелиться. Всюду валялись мелкие осколки стекла.

– Где Кеико?

– О чем ты говоришь, Рен? – Мать повернулась ко мне. – Ты мой единственный ребенок.

От ее слов у меня по спине побежали мурашки. Я бросился вверх по лестнице, в спальню сестры. Распахнул дверь, но там было пусто. Некоторые ее вещи валялись на кровати и на полу. Дверца гардероба была распахнута, половина ее одежды исчезла. Ко мне пришло осознание реальности. Моя сестра уехала.

У меня подогнулись коленки. Я сел на пол в ее спальне и просидел так, онемев, несколько часов. Я вышел только тогда, когда мать позвала меня обедать. Удивительное дело, но она что-то приготовила. Она ничего не говорила о Кеико, а я не спрашивал. Не поднимая головы, я ел мисо рамен. Вкуса не чувствовал совсем.

Потом мать нарушила молчание:

– Почему ты до сих пор в школьной форме? Уже семь часов. Ступай и прими душ. От тебя пахнет потом.

Лежа в постели в своем номере, я обдумывал список людей, которым надо было сообщить о моем решении.

Так кому же? Родителям, конечно, хоть я и сомневался, что их это интересует. После отъезда сестры у нас стало правилом не говорить о ней. В мой университет ничего не надо сообщать, поскольку я выполнил все, что

требовалось, и теперь просто ждал диплом. Как насчет Наэ? Когда-нибудь я с ней помирюсь, но пока еще рано. Короче, я решил пока ограничиться родителями.

Сначала я собирался им позвонить, но написать письмо было проще. Я спустился вниз и взял у администратора конверт и несколько листков бумаги. Чистые, белые страницы пугали меня, но я все-таки написал первые строчки, и дело пошло гладко.

«Папа и мама,

я надеюсь, что у вас все нормально.

Похоронная церемония и кремация уже позади. Осталось выполнить кое-какие незначительные формальности, так что я останусь тут еще на шесть месяцев. За меня не беспокойтесь. Я нашел временную работу и жилье.

Пожалуйста, заботьтесь о своем здоровье. Скоро я сообщу вам мой новый адрес».

Дописав письмо, я перечитал его еще раз. Зачем я написал про шесть месяцев? Я имел право уйти из Йоцубы и раньше, не платя неустойку. Но этот срок казался мне достаточно долгим, чтобы разобраться во всем, и у меня было достаточно сбережений, я мог продержаться, если у меня ничего не получится с преподаванием.

Я подписал письмо и сунул его в конверт. Бросив письмо в почтовый ящик возле магазина самообслуживания, я вернулся в холл отеля и по платному телефону позвонил господину Катоу. Сообщил, что решил принять его предложение. Я понимал, что не смогу найти ничего лучше. Но даже если там что-нибудь не заладится, я всегда могу съехать. Терять мне нечего.

– Я рад, что вы приняли мое предложение, – сказал господин Катоу своим бесстрастным голосом. – Когда вы намерены переехать?

Как можно скорее, чтобы больше не тратиться на отель.

– Когда вам удобно?

– Как насчет сегодняшнего дня?

Я не возражал.

– Вот только единственная приготовленная комната – это та, где жила мисс Ишида, – сказал он. – Но если вам некомфортно, я приготовлю через пару дней другую спальню.

– Не беспокойтесь, та комната меня устроит, – ответил я.

Все идеально подходило для моих намерений понять, как складывалась жизнь сестры в Акакаве. В тот же день я распрощался с отелем «Кацураги» и переехал в Сегаяки. Перед уходом я подарил женщине в кимоно пирожные из соседней кондитерской. Ее розовое кимоно как раз сочеталось с изображением сакуры на коробке с пирожными, и женщина была приятно удивлена.

Спальня сестры была просторная, залитая солнцем.

– Пожалуйста, устраивайтесь, как вам удобно, – сказал господин Катоу. – А мне надо ехать на совещание. Пользуйтесь кухней, берите в холодильнике продукты и напитки. Завтра утром я представлю вас жене.

– Спасибо. – Я поклонился.

Он вышел из комнаты, а я разложил свои вещи. Я не планировал остаться в Акакаве дольше пары недель и взял с собой немного, только чемодан и дорожную сумку «Boston». Я расстегнул на сумке молнию и вынул фарфоровую урну. Открыл гардероб и переложил одежду сестры, чтобы очистить полку.

– Вот ты и вернулась в эту комнату. Добро пожаловать, – прошептал я, ставя урну на полку.

Я закрыл гардероб и лег на кровать. Заложив руки за голову, я лежал и разглядывал белую комнату. Матовый светлый абажур висел под потолком. Тени от солнца постепенно удлинялись. Внезапно я уловил дуновение сладкого аромата. Откуда? Или вечерний ветерок донес запах цветов в саду? Запах смутно напоминал духи «Estee Lauder», которые я обнаружил в ящике. Я не помнил, пользовалась ли она духами в Токио. Но люди меняются.

Я закрыл глаза и неожиданно для себя погрузился в сон.

Я стоял на обочине оживленной трассы, мне надо было перейти на другую сторону. Я ждал, когда на светофоре появится зеленый человечек, но красный свет все горел и горел, а поток мчавшихся мимо меня автомобилей не убывал. Что такое? Неисправен светофор? Может, надо дойти до следующего? Он ведь не слишком далеко.

Размышляя над этим, я заметил на той стороне дороги маленькую девочку лет пяти-шести. Она была в детсадовской форме – белая юбочка и темно-синий фартук. А ее волосы были заплетены в две тонкие косички. Не колеблясь, она пошла ко мне.

Свет был по-прежнему красный, автомобили проносились мимо. Какой-нибудь из них непременно собьет ее. Я хотел крикнуть ей, чтобы она остановилась, но меня словно парализовало. Девочка спокойно переходила дорогу. Ее маленькие шаги были размеренными, словно тиканье метронома. Несмотря ни на что, она благополучно перешла на мою сторону улицы и остановилась в нескольких шагах от меня. Мы посмотрели друг другу в глаза.

Я пытался спросить, кто она такая, но как только открывал рот, у меня пропадал голос. По ее взгляду я понял, что моя мысль достигла ее. Она ничего не ответила, но уголки ее губ слегка поползли кверху.

Когда я открыл глаза, тени заполнили уже всю комнату. Мне казалось, что я лишь на пару минут закрыл глаза, но на самом деле прошло уже несколько часов.

Обычно я забываю свои сны, как только просыпаюсь. Но тут не мог стереть из памяти косички, которые прыгали, когда девочка переходила улицу в потоке

машин. Я никогда не видел ее раньше, хотя она показалась мне странно знакомой.

Я снова проголодался и пошел на кухню. В холодильнике нашел коробку шоколадного молока. Я отыскал кружку, налил в нее холодного молока и выпил в несколько больших глотков. Помыл кружку и поставил на сушилку. Тут я вспомнил про нож, который подарил сестре на день рождения. Я знал, что она захватила его с собой в Акакаву, значит, он должен быть где-то здесь.

Я проверил три ящика на кухонном островке. В верхнем лежали серебряные столовые приборы, во втором – кухонная утварь. В нижнем – разделочные доски и классический набор стальных нержавеющих ножей в деревянном блоке. Но ножа, который я искал, не было нигде.

Открывая остальные шкафы, я увидел другие кухонные принадлежности, от сковородок до бамбуковых пароварок. Все выглядели абсолютно новыми. Нож сестры я так и не нашел.

Я перестал искать и вернулся в свою комнату, теряясь в догадках, где же все-таки нож. Я знал, что сестра дорожила им. Она не могла ни выбросить его, ни подарить.

Уличные огни проникали сквозь занавеску, слабо освещая красный телефон. Я глядел на него с тоской, вспоминая сестру. Ее голос, ее смех, ее звонки. Почему я только теперь понял, как много она значила для меня?

Я схватил трубку и прижал к уху прохладный пластик. Я послушал туут, туут, туут, а потом пиииииип и положил трубку. Кого я обманывал? Я больше никогда не услышу ее голос. Сестра умерла. Ее жизнь резко оборвалась, и теперь она была в недосягаемом для меня месте.

Рен Ишида, что ты собираешься делать?

Глава 7

Женщина, переставшая разговаривать

На следующее утро господин Катоу представил меня своей жене. Ее спальня была дальше всех от входа и еще больше моей. За ее окном я увидел сад в европейском стиле, там цвели лиловые ирисы и белые розы.

Госпожа Катоу сидела на кровати, откинувшись на подушку. На ней были белая блузка и бежевый кардиган с длинными рукавами. Я представлял ее худой, с ввалившимися глазами. Но она выглядела сравнительно здоровой, не считая бледной кожи и отрешенного выражения лица.

– Это моя супруга, – сказал мне господин Катоу и повернулся к жене. – Это Рен Ишида. С сегодняшнего дня он будет нам помогать.

– Очень приятно. – Я поклонился ей.

Я ожидал, что она как-то ответит мне, но она молчала, не удостоив нас внимания. Казалось, она не замечала, что мы стояли прямо перед ней.

Мы тихо стояли и смотрели на нее. Время от времени она немного шевелилась. Один раз даже посмотрела в окно. А в следующий момент повернулась к стене.

– Мне надо поговорить с Ишидой об условиях его работы, – сообщил господин Катоу, прежде чем выйти.

Я снова поклонился госпоже Катоу, покидая комнату.

– Моя жена не глухая, не слепая и не немая, не думайте, – сказал господин Катоу. – У нее психологические проблемы, и они заставили ее замолчать.

– Психологические проблемы?

– Да. И я буду вам признателен, если мы больше не станем говорить об этом.

Он достал из кармана связку ключей.

– Это дубликаты, поскольку оригиналы хранятся в полиции, но они открывают нормально.

Я взял ключи и сунул в карман.

– Позвольте сообщить, что от вас требуется, – продолжал Катоу. – Вы каждый день будете покупать готовый ланч в ближайшем магазине самообслуживания. Если вы пойдете по дороге на восток, он будет с правой стороны. Мисс Ишида покупала ланч перед работой.

Это стало для меня новостью.

– Моя сестра не готовила?

– Нет, насколько мне известно. Готовить на двоих слишком хлопотно.

Я знал, что для сестры это вовсе не хлопотно, но промолчал.

– Да, пока не забыл – не надо приносить ланч в комнату моей жены. Просто постучите два раза и оставьте его возле двери. Деньги лежат в библиотеке, в шкатулке.

Я кивнул.

– Чеки надо сохранять?

– Нет необходимости. Мне все равно некогда их проверять.

– Понятно.

– Что касается чтения, выбирайте удобное для вас время. Берите любую книгу из библиотеки. Я думаю, что надо читать каждый день по нескольку страниц. Она может не реагировать, но я знаю, что ей будет приятно. – Он кивнул, удовлетворенный своим объяснением. – Ну вот, пока это все.

Потом он извинился и ушел в свой кабинет. Я вернулся к себе, чувствуя тяжесть ключей в кармане. Какие странные условия! Во что я ввязался следом за сестрой? Хотя это все-таки поможет мне понять ее.

Около полудня я купил в магазине две упаковки цыпленка во фритюре с гарниром из риса. Ланч для госпожи Катоу я оставил возле ее двери и отправился на кухню, чтобы поесть самому.

Положив пластиковый пакет на стол, я достал из холодильника бутылку лимонада. Холодный напиток освежил меня после ходьбы под жарким солнцем. Я достал свой ланч и снял влажную, с капельками воды крышку.

После отъезда сестры я снова каждый день ел готовые блюда. Как и большинство подростков, чаще всего выбирал фастфуд. Но теперь я относился к нему более-менее нормально. Иногда я обедал в кафе и ресторанах, обычно с кем-нибудь из моих подружек.

Наэ была моей девятой подружкой, если не считать девчонок, которых я мог подцепить на улице. Немногие из них, включая Наэ, умели прилично готовить. Как-то я встречался с дочкой шеф-повара большой сети отелей. Она мечтала учиться в «Le Cordon Bleu» и упорно тренировалась. Она баловала меня всякими шикарными кушаньями, но я все-таки предпочитал блюда моей сестры.

– Ты готовишь лучше всех, – сказал я как-то раз сестре, когда она сварила суп мисо.

– Не может быть, – рассмеялась она.

– Нет, честное слово.

– Правда? – Она посыпала суп нарубленным тофу. – Может, мне открыть ресторан?

– Не надо, – тут же возразил я. – Кулинария – вещь субъективная. Может, у других людей не такой странный вкус, как у меня. – Хотя, говоря по правде, мне просто хотелось, чтобы она готовила еду только для меня. Вот таким я был

эгоистом.

Сестра повернулась ко мне.

– Я не поняла, то ли ты сказал мне комплимент, то ли оскорбил.

– Считай это комплиментом.

Она снова засмеялась и перемешала суп.

Я обожал смотреть, как она готовила. Те минуты всегда были особенными. Неважно, каким бы плохим ни был мой день, я сбрасывал с себя напряжение, когда мы с ней оказывались вдвоем на кухне. Я наслаждался нашим привычным ритуалом.

Иногда сестра украдкой косилась на меня. Заметив, что я не свожу с нее глаз, говорила:

– Я знаю, что ты голоден, но перестань пожирать меня взглядом. Я почти закончила. – И мы весело смеялись.

Кеико Ишида – она всегда неправильно понимала меня.

После ланча я зашел в библиотеку, чтобы выбрать книгу.

Библиотека у семьи Катоу была огромная. От Шекспира до Вирджинии Вулф, от Эрнеста Хемингуэя до Джорджа Оруэлла и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Хотя госпожа Катоу не показалась мне начитанной персоной, она собрала прекрасную библиотеку.

Выбрав из всего «Дети полуночи» Салмана Рушди – одну из тех книг, которые мне всегда хотелось прочесть, но не получалось, – я направился в комнату хозяйки. Коробка с ланчем, которую я оставил у двери, исчезла.

Я дважды постучал в дверь и подождал. Через полминуты вошел.

– Извините, – сказал я.

Госпожа Катоу сидела на кровати в той же самой позе, что и в прошлый раз. Пустая коробка из-под ланча лежала на тумбочке. Глаза женщины были направлены на стену.

Я сел на деревянный стул возле ее кровати и неловко помахал книгой.

– Сегодня я вам почитаю.

Снова никакого ответа.

Мне было неловко глядеть на госпожу Катоу, поэтому я торопливо раскрыл книгу и начал читать. Мой голос дрожал, а ладони вспотели. Пару раз я глядел на нее, но она сидела в прежнем оцепенении.

После третьей главы я остановился. Я оставил книгу на ночном столике, взял пустую коробку из-под ланча и извинился. Мне было не по себе. Может, я совершил ошибку, переехав сюда? Ведь я сразу почувствовал, что этот дом полон мрачных секретов.

Глава 8

Девушка с красивыми пальцами

От Сегаяки до школы экстерна можно было доехать на автобусе. Даже с учетом ходьбы до остановки это все равно меньше получаса. Войдя в Йоцубу, я уловил дуновение лаванды. В первый раз был жасмин, а теперь лаванда. Интересно, что будет потом? Может, цветы вишни?

– Доброе утро, господин Ишида, – весело приветствовала меня Абе из-за стойки администратора. – Директор ждет вас в своем кабинете.

Я поднялся на четвертый этаж и прошел мимо клетушек. Некоторые сотрудники уже сидели на месте. Несколько человек мне кивнули, и я кивнул в ответ. Значит, они знали, что я буду здесь работать? Войдя в кабинет директора, я увидел, что напротив него сидит стройная женщина с волосами до плеч.

– Ишида, – сказал директор, – пожалуйста, заходите.

Он и женщина встали. На ее лице не было никакой косметики, редкость в наши дни.

– Это Маэда. Она поможет вам освоить новую работу.

Я поклонился ей.

– Рад познакомиться.

Поклонившись в ответ, Маэда вывела меня из кабинета.

– Я дам вам учебный план и методические материалы.

Маэда шла быстро, несмотря на высокие каблуки. Она направилась прямо к картотечным шкафам, достала несколько папок и отдала их мне.

– Вы будете работать с понедельника по субботу с двух тридцати до девяти тридцати. У вас будут три занятия в день по полтора часа. С перерывом на обед.

Мы подошли к моему столу – вещи сестры лежали там по-прежнему, – и я положил на него папки. Маэда жестом велела мне сесть и подвинула стул для себя.

– Вам повезло, вас взяли на место старшего преподавателя, – сказала она. – Новички обычно не получают такое удобное расписание, и им приходится работать оба выходных.

Я заметил, что она всячески старалась не упоминать имя моей сестры.

– Не волнуйтесь и просто придерживайтесь программы занятий. Там все довольно несложно, – продолжила Маэда. После этого она объяснила, как пользоваться методическими материалами.

– Я буду сегодня вести занятия? – спросил я.

– Нет, не так быстро, – усмехнулась она. – Сегодня я проведу одно занятие, а вы посмотрите. Но с завтрашнего дня вы будете работать уже один, без меня, так что сегодня слушайте меня внимательно.

– Конечно. – Я кивнул.

– Прекрасно. Ну а теперь… – Маэда бросила взгляд на большие круглые часы на стене. Они показывали четверть четвертого. – Идите за мной.

Она выудила из пачки несколько папок и зацокала каблуками по проходу. Я положил сумку и поспешил следом, чтобы помочь ей нести папки. Но она шла так быстро, что я еле успевал за ней.

Когда мы спускались по лестнице, лавина учащихся хлынула в противоположную сторону, и мы с трудом начали пробираться через толпу. Некоторые из ребят поглядывали на меня. Я убеждал себя, что мне нечего волноваться. Новое лицо всегда вызывает любопытство.

Мой первый урок был на втором этаже. Едва мы дошли до аудитории, как прозвенел звонок.

Я стоял у доски рядом с Маэдой. В классе было около двадцати учащихся; на нескольких ребятах была одинаковая форма. Одни возились с книжками, другие болтали друг с другом.

– Добрый день, – поздоровалась Маэда. – Это господин Ишида. Он будет вести уроки английского.

Все притихли и помрачнели, когда услышали мое имя. Этого следовало ожидать. Ведь моя сестра была их преподавателем.

– Я – Рен Ишида, – сказал я, с трудом пытаясь скрыть волнение. – Надеюсь, мы с вами найдем общий язык.

По рядам студентов пронесся шепот.

– Тихо! – Маэда ударила ладонью по столу.

Класс снова замолчал.

– Теперь я проверю, все ли на месте.

Она называла поочередно имена. Трое отсутствовали. Минут через пять они появились, запыхавшиеся, извинились и быстро сели на свободные стулья.

Честно говоря, я не ожидал, что эти подростки будут такими послушными. Они слушали объяснения Маэды и делали записи. Больше никто не болтал. Когда дело дошло до вопросов-ответов, почти все активно участвовали. И снова замолчали во время письменных упражнений.

Прозвенел звонок с урока, и все схватили свои сумки и рюкзаки. Уходя, они сдавали листки с ответами.

Когда все ушли, Маэда спросила:

– Как все прошло? Неплохо, правда?

– Они такие дисциплинированные и трудолюбивые, – сказал я с удивлением.

– У Йоцубы высокий процент приема в престижные университеты, так что мы можем себе позволить больше, чем другие репетиторские школы в нашем городе. Мы отбираем самых сильных ребят, да и плата у нас выше. Вообще, мы тут самая дорогая репетиторская школа. Может, я и преувеличиваю, но учащиеся у нас серьезные. Они ходят к нам, потому что хотят потом поступить в хорошие университеты.

– Значит, все они из выпускных классов?

– Не все, но большинство. Они либо из выпускных, либо лишь на год моложе. Других мы не берем.

Наш разговор был прерван, когда пришла следующая группа. Этот класс был больше первого, но оказался таким же спокойным и трудолюбивым. Какой контраст с тем, каким я был шесть лет назад, когда учился в школе. Мои одноклассники, особенно мальчишки, любили иногда похулиганить. Я не привык видеть таких послушных подростков.

Заходили все новые учащиеся, и тут я увидел ее.

Она пришла с группой девочек, все в одинаковой синей форме. Она слегка изменилась. Волосы стали короче и были завязаны на макушке в хвост. С такой прической она выглядела гораздо моложе. Я не верил своим глазам, но знал, что не ошибся. Это была та самая девочка, которая курила в беседке. Судя по тому, что сказала Маэда, ей было лет семнадцать или восемнадцать.

Девочка села в последнем ряду. Я затаил дыхание и пытался проследить ее реакцию. Наши глаза встретились, но она и виду не подала, что узнала меня. Тогда я сделал вид, что не замечаю ее присутствия, но она, скорее всего, поняла, что мы уже виделись. Для меня стало шоком, что она оказалась в моем классе. Может, это судьба?

Когда Маэда представила меня классу, девочка пристально взглянула на меня, но лишь на секунду. Когда урок закончился, она вышла из класса вместе с подругами. Момент был не самый удачный, но я поспешил за ней.

– Простите. – Я тронул ее за плечо. – Это были вы, не так ли?

Она повернулась ко мне. Увидев ее вблизи, я убедился, что не ошибся.

– На прошлой неделе, – напомнил я. – В беседке.

Она покачала головой.

– Вероятно, вы ошиблись. Я никогда вас не видела.

– Но…

– Мне надо идти на следующий урок, – перебила она меня. – Извините, господин Ишида!

Она ушла, а я остался, онемевший. Может, у меня просто разыгралось воображение, но мне показалось, что она говорила со мной с неприязнью, особенно когда произнесла мою фамилию.

– Все в порядке, Ишида? – поинтересовалась Маэда, держа в руках папки.

– Да. – Я подошел к Маэде и помог ей. – Мы возвращаемся в офис?

– Вы только что разговаривали с Накадзимой. Вы знаете ее?

– Я обознался, приняв ее за другую девушку.

– Простите. Я подумала, что вы заигрываете с ней. Вы молодой человек, я понимаю, но нам запрещены романтические отношения с учащимися или сотрудниками. – Она замялась. – К тому же эта девушка…

– Что?

– Я слышала, что она за деньги встречается с немолодыми мужчинами.

Конечно, Накадзима красивая девушка, но она не показалась мне корыстной. Да и одевалась она скромно, особенно по сравнению с ее токийскими ровесницами.

– Может, это просто сплетни?

Маэда понизила голос:

– Вообще-то, я сама видела. Она выходила из дорогого ювелирного бутика с хорошо одетым мужчиной, который годился ей в отцы.

– Может, это был ее отец?

– Они были непохожи.

Разговор был мне неприятен, но, к счастью, Маэда этого не замечала. Мы вернулись на четвертый этаж. Я сел за свой стол и покрутил головой, разминая шею.

– Это тебе, Ишида. – Хонда поставил передо мной банку кофе со льдом. – Как твой первый день?

Я попробовал улыбнуться.

– Пока что ухитрился выжить.

– Хорошо. Я уверен, что у тебя все получится, – сказал он. – Если хочешь, давай вместе пообедаем.

Я поискал глазами Маэду; к моему облегчению, она куда-то ушла. Не то чтобы она вызывала у меня неприязнь, но она была не из тех, с кем я хотел бы общаться вне работы.

– Почему бы и нет? – ответил я Хонде. – Что тут есть поблизости?

Мы перекусили в соседнем ларьке лапшой быстрого приготовления и вернулись в Йоцубу на последние занятия. Учащиеся выглядели уставшими. Некоторые с трудом соображали, и я тоже. Весь урок я не мог сосредоточиться на том, что говорила Маэда. Я думал только о девушке, которая держала в красивых пальцах сигарету «Семь Звезд».

Глава 9

Запах дождя и угля

Мой первый рабочий день наконец закончился. Я вернулся в дом Катоу около одиннадцати. Бросил сумку на пол и сел на стул, чтобы снять носки. Мой взгляд

немедленно устремился на красный телефон, стоявший на столе.

«Держи себя в руках, Рен Ишида. Телефон не может соединить тебя с умершей сестрой».

– Заткнись, – буркнул я. – Без тебя знаю.

Взявшись за провод, я выдернул его из розетки. Сестра больше никогда мне не позвонит, и поэтому я не хочу слышать, как звонит телефон. Я закрыл глаза. Что я тут делаю? Я совсем один в этом городе.

Рен…

Это был голос моей сестры – добрый и чистый, такой, каким я его помнил. Я открыл глаза и обнаружил, что стою один среди бескрайнего, белого пространства.

– Это ты? – крикнул я, но ответа не было.

Надо мной в воздухе висели гигантские пузыри. Что это такое? Я подпрыгнул и сумел дотронуться до одного. Когда мой указательный палец коснулся его поверхности, я ощутил холод. Пузырь взорвался, словно летний фейерверк, миллионы крошечных шариков разлетались в разные стороны и падали вниз.

Я потер большим пальцем указательный, стирая с него пленку. Это была вода.

Постепенно я сообразил, что мне снится сон. Но что-то в нем было неправильно. Я должен выбраться из него. Если не получится, я застряну там навсегда.

Куда бы я ни шел, всюду было море белизны и водяные пузыри. Приблизился я к выходу? Или ушел от него дальше?

– Рен, – позвал кто-то.

Я оглянулся и увидел маленькую девочку с косичками из моего предыдущего сна, когда она шла через поток автомобилей. Девочка глядела на меня.

– Кто ты? – спросил я. – Чего ты хочешь?

Она помолчала, потом тряхнула головой и показала пальцем вверх. По воздуху плыли огромные золотые рыбки, сотни, а то и тысячи. Каждая размером с футбольный мяч. Из-за их переливающейся чешуи небо казалось золотисто-оранжевым.

Золотые рыбки танцевали над нами, виляя прозрачными, сверкающими хвостами и огибая водяные шарики. Их грациозность вызывала у меня восторг.

Неожиданно одна рыбка метнулась к пузырькам, и они лопнули. Брызнула в разные стороны холодная вода, а вдалеке вспыхнул яркий свет. Я загородил глаза рукой и прищурился. Тут я вспомнил про девочку с косичками и поискал ее взглядом, но она уже убежала. Я хотел ее догнать, но мои ноги словно налились свинцом.

Перед тем как проснуться, я услышал голос сестры:

«Рен, тебе не нужно оставаться здесь».

Оказывается, я заснул возле открытого окна, уронив голову на стол. На улице лил дождь, и брызги воды летели в комнату. Сквозь шум дождевых струй слышались раскаты грома.

Я вскочил со стула и закрыл окно. По письменному столу растеклась лужа. В ней стоял телефонный аппарат. Я схватил полотенце и вытер воду. Хорошо еще, что я не выложил из сумки на стол свои методички.

Было два часа ночи. Я понимал, что надо принять душ, но слишком устал. Не переодевшись, я рухнул на кровать, натянул на себя одеяло, но оно было слишком тонкое и не грело. Я встал и бросил на него куртку. После этого я снова заснул и уже не видел снов.

Когда я проснулся, солнце было уже высоко. Крошечные капли ползли по стеклу до деревянной рамы и скатывались с нее на отлив. Я открыл окно и полной грудью вдохнул чистый воздух.

Однажды, когда Наэ осталась у меня, я спросил у нее, бывает ли у дождя запах. Она расчесывала щеткой волосы и озадаченно смотрела на меня. Длинные черные волосы падали ей на плечи, на локти; она всегда завязывала волосы, когда спала со мной. Ее «конский хвост» сбивался потом набок, но мне было все равно. Она нравилась мне и растрепанная.

– По-моему, сам дождь не пахнет, – ответила Наэ, – но вот после дождя точно остается какой-то аромат. Свежий и чуточку земляной. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Кажется, да. – Я кивнул.

– Возможно, это запах влажной почвы. В общем, мне он нравится.

Мне тоже, я люблю этот характерный запах. И всегда вспоминаю Наэ, когда думаю о дожде.

По дороге в Йоцубу я отправил еще одно письмо родителям и указал адрес господина Катоу. Но так и не позвонил Наэ. Я не знал, как говорить с ней. Впервые наша размолвка так затянулась.

С другой стороны, я наслаждался своей свободой. Не надо было никому звонить, планировать свидание, ломать голову, что подарить ко дню рождения или на другие праздники. Меня это устраивало. Я никогда не любил обязаловку – так что, пожалуй, мне вообще противопоказано иметь подружку.

Через несколько дней у меня сложился новый распорядок дня.

Я просыпался около восьми и отправлялся на часовую пробежку по тропе, которая вела к склону, где умерла моя сестра. Я наведывался туда каждое утро, словно надеялся, что это поможет мне четко мыслить и искать ответ на мой главный вопрос. Еще я жалел, что редко виделся с ней, когда она была жива.

На обратном пути я заглядывал в магазин самообслуживания и покупал две коробки с ланчем. Одну я оставлял возле спальни госпожи Катоу. Свой ланч я съедал в одиночестве на кухне. Поев, я заходил к госпоже Катоу и читал ей несколько страниц «Детей полуночи», потом ехал на работу.

Этот распорядок не слишком менялся и в воскресенье. Я все равно садился на автобус и ехал в город. Там я бесцельно бродил по торговому центру или сидел где-нибудь с чашкой кофе. Каждый день был предсказуемый.

Вопреки моим ожиданиям через две недели я стал получать удовольствие от времени, которое проводил у госпожи Катоу. Я мог выбирать книги, которые всегда хотел прочесть, но не находил на это времени. Я мог перечитывать свои любимые книги. Если мне хотелось, я мог повторять одну и ту же строчку несколько раз. Неважно, что я читал, она слушала меня без всяких возражений. Я чувствовал, что она внимательная слушательница. А если я уставал, то мог остановиться в любое время.

В доме всегда было тихо. Сидя на стуле возле кровати госпожи Катоу, я слышал самые слабые звуки – шорох ветра в деревянной оконной раме, мелодичный перезвон ветряных колокольчиков или ритм дыхания госпожи Катоу. Если я задерживался долго, воздух оживал и запечатывал нас незримой пленкой.

Если мне было душно, я подходил к окну и смотрел на тень сосны в саду. Мимо окна всегда пролетали птицы. Не знаю какие. У них было темно-синее оперение, такое темное, что они казались почти черными. Может, те же самые, каких купила сестра на свой день рождения? Я не знал. Я помнил только то, что они были черные. Или тоже темно-синие?

Казалось, я забывал вещи, которые хотел запомнить, и запоминал те, которые хотел забыть. Например, смерть сестры. Как мне хотелось, чтобы все, что привело меня сюда, оказалось дурным сном.

Я думал, что такой известный политик, как господин Катоу, принимает много гостей, но ошибся. Единственной посетительницей, которую я видел до сих пор, была седовласая экономка, появлявшаяся в доме по понедельникам и четвергам. Всякий раз я не сразу замечал ее присутствие, так она сливалась с домом. Она была тихой и сдержанной – вернее, я никогда не слышал ее голоса – и каким-то образом незаметно появлялась в доме. Ее присутствие выдавало лишь

жужжание пылесоса.

При встрече я кланялся ей, но она игнорировала меня. Может, была недовольна тем, что я замечал ее? Какая странная мысль. Никто так не думает. Но в ее присутствии я старался не читать вслух. Я укрывался в своей комнате и ждал там, когда пора будет ехать на работу.

– Ты пытался заговорить с ней? – спросил Хонда, когда я рассказал ему про экономку.

Я пожал плечами.

– Не похоже, что она захочет мне ответить.

– Ты попробуй, начни разговор.

– Что ж, пожалуй, – ответил я, зная, что никогда этого не сделаю.

Закончился последний урок. Мы с Хондой сидели за моим столом и ужинали лапшой. Весь день моросил дождь. Холодная погода пробуждает чувство голода, поэтому держать в офисе в сезон дождей запас лапши быстрого приготовления было мудрым решением.

– А что ты скажешь о господине Катоу? – спросил Хонда.

– Я редко его вижу, – ответил я. – Он уходит из дома до того, как я просыпаюсь, а когда возвращаюсь с работы, он уже не показывается из своей комнаты.

– Он заходит к жене?

– Я никогда не видел.

– Значит, он трудоголик?

– Вероятно.

– Или, может, он предпочитает одиночество?

– Возможно.

Впрочем, однажды я видел его в спальне жены.

…Было воскресенье, и я собирался зайти к госпоже Катоу с книгой. Дверь была открыта, и я остановился в коридоре, когда понял, что в комнате господин Катоу. Он сидел возле кровати жены на деревянном стуле, которым обычно пользовался я, и они оба в тишине смотрели в окно. Я тихо ушел, чтобы не мешать им.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Школа экстерна – это специализированные учебные заведения для углубленной подготовки учеников, абитуриентов и студентов к сдаче экзаменов.

2

Кэйо – японский частный университет. Часто его сравнивают с университетом Васэда. Лишь Токийский университет превосходит Кэйо и Васэда по

престижности, однако он не столь элитарен в плане социального статуса студентов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/goenavan_klarissa/pticy-dozhdya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить